

ДИАНА

МАШКОВА

САНИЯ

ИСПЕРГЕНОВА

Я-САНИЯ

история сироты

Семейное счастье. Проза Дианы Машковой

Диана Машкова

Я – Сания: история сироты

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Машкова Д. В.

Я – Сания: история сироты / Д. В. Машкова — «Эксмо»,
2019 — (Семейное счастье. Проза Дианы Машковой)

ISBN 978-5-04-105105-1

У них нет собственных ИМЕН – их называют «Все-встали», «Все-вышли», «Идите-сюда», а слово «мама» для них – ПУСТОЙ набор звуков. Они не плачут, потому что слезы не вызовут сочувствия, а повлекут за собой наказание. Они боятся прикосновений и не умеют раскрываться навстречу людям. Перед вами подлинная исповедь сироты Сании Испергеновой. Реальная история жизни в доме ребенка и детском доме. История, способная изменить к лучшему вашу жизнь и жизни тысяч детей, оказавшихся без родительской любви.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105105-1

© Машкова Д. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие автора	6
Благодарности	9
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Диана Машкова
Я – Сания: история сироты

© Машкова Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Предисловие автора

Нарушение привязанности

Отношения матери и ребенка, самые древние и надежные, существовали в неизменном виде миллионы лет. Полное единение до момента появления младенца на свет – один организм, одна пища, одни переживания на двоих. Болезненное разделение в родах и после – новое слияние: младенец на груди матери. Он слышит стук родного сердца, узнает любимый голос, ощущает кожей ее кожу и видит самое драгоценное в мире лицо. Первый год малыш проводит у мамы на руках – до тех пор, пока не начинает ходить. Еще три-четыре года неотступно следует за ней, набираясь опыта и самостоятельности. На уровне инстинктов ребенок знает, что от матери зависит его жизнь. Безопасность, пища, тепло, ласка, любовь – все это она. Новорожденному нет дела до того, что происходит в мире, какие племена и народы воюют между собой, какие государства возникают и распадаются. Мама – центр его вселенной. Она защищает от хищного зверя и злого человека, согревает собственным телом и питает им, утешает в боли и усталости. Она навсегда остается его первой связью с внешним миром.

Мать способна быть источником жизни для младенца благодаря отцу, который оберегает их с малышом как единое целое в первые годы. Он и после, когда ребенок подрастет, продолжает добывать пищу, изгонять врагов – заботиться о семье.

Однако мир неузнаваемо изменилось в середине прошлого века. Рабочие руки – женские – вдруг понадобились не только детям и дому. «Начиная со времен Второй мировой войны и далее, с ускорением в 1960 гг., – пишет всемирно известный психолог и терапевт Нильс Питер Рюгаард в своей книге «Дети с нарушением привязанности», – мы предприняли самый масштабный социальный эксперимент, который когда-либо проводился в западном мире: матери детей младшего и дошкольного возраста пошли работать вне дома, отлучившись от своих малышей... Условия обучения тому, как становиться человеком, посредством отношений в период раннего детства были перевернуты с ног на голову. На сегодняшний день мы, вероятно, являемся единственным видом млекопитающих, у которого мать и младенец не остаются неразлучными в течение по крайней мере первых двух-трех лет с момента рождения».

Естественный ход событий оказался непоправимо нарушен. В роддомах новорожденных начали отделять от матерей сразу после появления на свет, якобы давая роженице время для восстановления, а на самом деле травмируя обоих и порождая у женщин тревожность, неуверенность и чувство вины. В Советском Союзе малышей стали отдавать в ясли с четырех месяцев, а иногда и раньше, отрывая от матерей вопреки жизненно важным потребностям в грудном вскармливании, ласке, тактильном контакте и любви. Появились детские сады-пятидневки, которые позволяли родителям работать, устраивать личную жизнь и зарабатывать деньги, а детей обрекали на тяжелые переживания утраты и боли разлуки. Депривация, неизбежный спутник сирот в государственных учреждениях, внезапно коснулась семейных детей. Родителям запрещали брать младенцев на руки, чтобы «не привыкали», предписывали кормить их по часам, а не по требованию, не позволяли матерям находиться с маленькими детьми в больницах и прочих «оздоровительных» учреждениях. Многие из нас, сегодняшних взрослых, стали жертвами этих необдуманных действий.

Разлучение матери и ребенка, с одной стороны, повышало благосостояние государства и семьи, а с другой – планомерно разрушало благополучие последней. С выходом женщин на работу резко увеличилось число разводов. Отцы, отделенные новой системой жизни от собственных детей – отстранение от родов, отсутствие отношений с ребенком, потеря роли защитника и кормильца, – перестали видеть свои задачи. Женщины научились обходиться без них. Параллельно произошел распад «большой семьи». Молодые матери лишились поддержки не

только отцов своих детей, но и многочисленных родственников – бабушек и дедушек, мам и пап, младших братьев и сестер. Семья перестала жить одним домом, распределившись по квартирам-ячейкам. Неадекватные нагрузки на работающую в двух-трех местах одинокую (иногда даже при наличии мужа) мать стали приводить к необратимым последствиям. На сцену явилась так называемая «отсутствующая мать» – морально и физически истощенная женщина, которая не в состоянии обеспечить теплого эмоционального контакта со своими детьми. И тогда малыши стали «луковым горем», «наказаньем», «тяжким крестом»...

Примерно у половины нынешних взрослых людей (ученые называют цифру 45 %) в детстве была «ненадежная привязанность» с родителями. Как следствие, они столкнулись с проблемами со здоровьем, отношениями, жизнестойкостью, целеполаганием или уверенностью в своем будущем. Но это еще полбеды. Вторая, самая увесистая ее половина состоит в том, что люди, лишенные «надежной привязанности» в младенчестве, как правило, неосознанно воспроизводят нарушенную модель и в собственной семье, со своими детьми. И таким образом передают сбитый код отношений из поколения в поколение.

Можно ли скорректировать последствия нарушений привязанности ради собственного будущего, ради своих детей и внуков? Если понять, что именно происходит, и задаться такой целью, то чаще всего можно. Описанные в научной и публицистической литературе результаты усилий психологов и психотерапевтов доказывают возможность перемен к лучшему в большинстве случаев (см. Брюс Перри «Мальчик, которого растили как собаку»). Реальные истории детей, подопечных нашего фонда «Арифметика добра» и многих других благотворительных организаций, также нередко подтверждают это.

Жизнь Сании – яркий пример одной из таких историй.

Мы познакомились в 2015 году. Сания к тому времени уже окончила колледж, поступила в вуз и мечтала о карьере художницы. Я тогда, помимо прочего, занималась в «Арифметике добра» семейным устройством подростков-сирот и часто приезжала в детские дома, была знакома со многими воспитанниками. Мы с мужем после тщательной подготовки и сами приняли в семью двоих ребят – Дашу 12 лет и Гошу 16 лет. Так что иллюзий о детях без родителей у меня уже не было: большинство подростков в учреждениях чувствовали себя потерянными. Лишенные семьи, они не могли учиться, не были приучены к труду, не видели своего будущего, боялись самостоятельности и не знали реалий жизни. Зато нередко изобретали такие способы времяпровождения, что попадали в самые опасные ситуации, а порой и оказывались на скамье подсудимых...

Сания оказалась совсем другой. С первых минут общения она меня потрясла. Разумная, целеустремленная, ответственная, трудолюбивая, талантливая. Каким чудом она сумела развить в себе эти качества? Как умудрилась воспитать цельную личность внутри системы, которая разрушала одного за другим ее товарищей по несчастью? Это стало для меня настоящей загадкой. Потрясающе красивая девушка, которую я видела перед собой, не производила впечатления человека, выросшего под надзором чужих людей, без любви матери и отца. Выдавали ее только крайнее смущение и страх перед незнакомыми людьми: она словно пыталась спрятаться, стать невидимкой. «Почему такую чудесную девочку никто не удочерил? – гадала я. – Как вышло, что мы не встретились раньше?»

Эти вопросы не давали мне покоя несколько лет подряд. Ответы появились, только когда я в деталях узнала историю Сании. Она приехала погостить к нам на дачу – работала там над картиной, и тогда состоялся наконец откровенный разговор, которого я долго ждала. Все, что я узнала от Сании, стало важным ключом к пониманию детства. Ее история помогла разобраться во многих сложных вещах – скрытых чувствах и тайных мыслях детей, их невысказанных ожиданиях и боли, которую им приходится пережить.

Речь в книге пойдет не о легкой форме нарушений, которые могли бы возникнуть даже в семье, а о тяжелом расстройстве у ребенка, оставленного матерью сразу после рождения.

Именно поэтому проявления депривации предстанут в гротескной форме, а каждая реальная ситуация покажется чрезмерной – такое могло происходить только с младенцем, брошенным своими взрослыми. Но ценность истории Сании в том, что она поможет каждому читателю заглянуть вглубь себя; погрузиться в суть отношений с собственными родителями и детьми.

Несмотря на всю тяжесть обстоятельств своего появления на свет, Сания во многом сумела их преодолеть. Ее откровенный рассказ доказывает: человек способен изменить свое будущее. Главное, не опускать руки и искать в жизни опору.

Отношения со взрослыми – как раз тот фундамент, на котором строится вся жизнь ребенка: происходит его развитие, раскрываются таланты, формируется физическое и психическое здоровье. Первые годы материнства – священны. Ни предрассудки, ни финансовые проблемы, ни отсутствие понимания со стороны близких не должны разлучить или отдалить друг от друга самых родных людей. Каждый младенец имеет право на любящих родителей. Каждый новорожденный приходит в этот мир не один, а с помощью матери и отца. Важно сделать все возможное и невозможное для того, чтобы он от них не отделился, чтобы не потерял.

Благодарности

Глубокая благодарность фонду Елены и Геннадия Тимченко за финансовую поддержку в издании благотворительного тиража книги «Я – Сания. История сироты», который будет доступен кандидатам в усыновители, приемным родителям и специалистам сферы семейного устройства детей-сирот. Также выражаем признательность за разработку и реализацию в России проекта «Голос ребенка», направленного в том числе на распространение реальных историй сирот, рассказанных от первого лица.

От всего сердца благодарю глубокоуважаемого основателя и директора литературного агентства и школы «Флобериум», своего любимого редактора и лучшего друга Ольгу Аминову за двенадцатилетнее сотрудничество, веру, человеколюбие и непревзойденный профессионализм. Вклад Ольги в создание книги Сании бесценен; ее уверенность в том, что реальные истории сирот увеличат число людей, готовых изменить судьбы брошенных детей к лучшему, служит для меня путеводной звездой.

Огромное спасибо основателю фонда «Арифметика добра», усыновителю, отцу 23 детей Роману Авдееву за создание мощного ресурса поддержки сирот и принимающих их семей. Сегодня в фонде работает Школа приемных родителей и Школа наставников; действует крупнейший в России Клуб приемных семей и Консультационный центр, которые оказывают разностороннюю помощь усыновителям и опекунам. Много делается для повышения уровня образования и социализации ребят, которые пока еще живут в детских домах. Большое внимание уделяется просвещению общества. Благодарим председателя правления фонда Наилу Новожилову за глубокую вовлеченность в дело и мудрость в решении самых сложных задач. Низкий поклон дорогим коллегам, штатным и внештатным сотрудникам благотворительного фонда «Арифметика добра», за самоотверженный и круглосуточный труд. Наши усилия уже привели к тому, что более 400 детей-сирот за пять лет работы фонда обрели семьи.

Спасибо моей чудесной семье за понимание и поддержку. Если бы не мои родители, я бы не стала той, кем являюсь. Если бы не мои четверо детей, у меня бы не было настолько интересной жизни и вечного стимула к развитию. Без своего любимого мужа Дениса Салтеева, с которым мы в браке уже 23 года, я не могу представить своей жизни.

Я благодарю Санию Испергенову за откровенность и прекрасный пример того, как человек меняет свою жизнь к лучшему вопреки обстоятельствам. Мое восхищение Саней не знает границ. Я до сих пор жалею о том, что у нас с мужем не было шанса ее удочерить, хотя уже понимаю, что это было бы невозможно.

Низкий поклон всем, кто по долгу службы или по зову сердца помогает сиротам находить в жизни опору. Всем, кто готов принять простые истины – каждому ребенку нужна семья; всем людям необходимы надежная привязанность и любовь.

*Диана Машкова, писатель, к.ф.н., руководитель программы «Просвещение»
благотворительного фонда «Арифметика добра»*

Глава 1

Ночь

В железных клетках-кроватках, расставленных вдоль и поперек стен, лежали малыши. Они укачивали себя сами – ритмично перекачивались из стороны в сторону в заунывном зловещем танце. Маленькие лысые головы метались в диком равнении то влево, то вправо. В молчании. И только сетки кроватей скрипели в такт движениям – «крик-крик, крик-крик». Вдруг один из потолочных светильников застрекотал. «Тссссс, – взмолилась я про себя, плотно сжимая губы, – только молчите!» Но было поздно.

– Аааааа! – закричали младенцы от страха. – Аааааа!

Дверь тут же распахнулась, и в комнату, грохнув железным ведром о дверной косяк, ввалилась ночная воспитательница. Толстые ноги, мясистый зад. Самая злая. Сквозняк, смешавшись со страхом, словно пикой пронзил от макушки до пят.

– Таааак, – она встала у моей кроватки и обвела взглядом детей, – чего орем?!

Я услышала тишину, почувствовала, как малыши сжались в комочки и закрыли глаза. Сама тоже на секунду зажмурилась, но потом вспомнила, что я – под кроваткой, значит, меня не видно. Продавленная железная сетка впечатывала ромбы в мою синюшную, покрытую мурашками от жуткого холода кожу. На мне не было одежды. Воспитательница швырнула чистое белье на мой пустой матрас. Серые носки разношенных войлочных тапок оказались напротив моего лица. От них пахло потом, половой тряпкой и затушенной сигаретой. Я лежала и вдыхала эту смесь, с каждой секундой все глубже погружаясь в животный ужас. Воспитательница с грохотом поставила на пол ведро – я притворилась мертвой, – присела на корточки и наклонилась ко мне.

– Будешь еще ссаться?

Я нервно мотнула головой: страх сотрясал сильнее, чем холод.

– Смотри у меня!

Я мелко закивала, все еще жмурясь.

– А ну, открыла глаза!

Я послушно подняла веки и посмотрела на ее красный, криво очерченный рот.

– Глядя в лицо скажи – будешь?

Я снова замотала головой.

– Ладно! Поживем – увидим.

Она распрямилась и стала застилать простыней кровать – поднимала по очереди то один угол матраса, то другой, засовывая под него серую, пропахшую хлоркой и покрытую застиранными пятнами простыню. Из потревоженного тюфяка летели пыль и крошечные стебельки сухой травы, но я все еще боялась шевелиться. Только закрыла глаза.

– И чтобы в последний раз! – пригрозила воспитательница.

Широкие вонючие тапки продолжали выплывать передо мной, как два диких зверя. Я боялась подавать хоть какие-то признаки жизни. И только один вопрос пульсировал в голове: «Можно мне встать?» Он дрожал на губах и почти превратился в немое «мммм», но растаял, не успев появиться. Нельзя ни о чем спрашивать. За вопрос накажут, побьют. Надо молчать. Терпеть. Замереть. Иначе будет хуже. Намного хуже...

– Все! – Воспитательница распрямилась и в раздражении пнула ведро, которое принесла с собой. – Чтобы тихо тут! Бесссстолочи. В ведре змея. Если кто заревет, она вылезет и укусит.

Женщина подошла к двери, на пороге обернулась, одарив группу суровым взглядом, и выключила свет. Комната погрузилась во мрак. Стихли в глубине коридора пугающие шаги, и

тишина стала оглушительной. Дети вытянулись в струну. Перестали скрипеть железные сетки, замерло даже дыхание. Тридцать испуганных пар глаз смотрели в ведро.

Младенцы ничего не понимают. Воспитатели, сколько я себя помнила, всегда пугали змеями, чтобы дети боялись плакать. Ничего в этом ведре нет! Я повернула голову и, чтобы убедиться, заглянула внутрь. С края, как обычно, свисала скрученная жгутом половая тряпка. До меня доносился ее тошнотворный запах. В крошечной тьме она казалась расплывчатой, словно потеряла свои контуры. Я чуть прикрыла веки – почувствовала тяжесть в голове, предвестник болезни, и вдруг тряпка ожила. Из ведра стало выползать длинное узкое тело. Змея приподняла уставшую голову и задумчиво посмотрела на меня из-под гладких полуприкрытых век. В ее глубоких с прожилками глазах скрывалось нечто невиданное. Узкая черная щель блесла посередине, словно вход в другой мир, а вокруг переплетались желтые ветви странных растений, устремленных в зеленую бездну. Я пристально смотрела в ее удивительные глаза. «Шшшшш, – сказала она, – не шшшшшшали». И я мысленно кивнула. Она меня поняла, в знак этого с достоинством прикрыла веки. «Сссссюда, – снова зашелестела змея, – сссссюда ссссвою рукуууу». Желание прикоснуться к ее чешуйчатой голове, сияющей малахитовым светом, было таким острым, что меня обдало жаром. «Быссстреее, быссстреее», – торопила змея. «Я исчезну?» – догадалась я. «Дааааа». – Она как будто улыбнулась и тут же стала невидимой. Я не хотела, чтобы и она пропала, я хотела ее удержать – резко выбросила вперед руку, схватила тряпку, и пустое ведро с адским грохотом покатилося по спальне.

– Аааааа! – раздался животный, раздирающий душу крик.

– Ууууу! – подхватил его волчий вой.

– Уээээээ, – отозвалось слабое эхо.

Страх клокотал в младенческих глотках. Дети вскочили на ноги и, держась за прутья кроватей, в ужасе шарили глазами по полу, искали змею, которая в их воображении ползала по рядам, выбирая, кого ужалить первым.

Я аккуратно, чтобы не поцарапаться, вылезла из-под кровати, схватила укатившееся ведро, сунула в него тряпку и приложила палец к губам. Но они не увидели – они кричали. Я стала ходить по рядам, просовывая руку в кровать то к одному, то к другому. Гладила по ногам, пыталась успокоить. Крик нарастал – пронзительный и отчаянный. Я знала, чем все это кончится, они тоже знали. И от этого становилось еще страшнее, было невозможно остановиться... И тут распахнулась дверь. Сноп света вбросил в спальню чудовище – огромную черную тень с уродливым, покрытым бородавками лицом.

Я завизжала. Упала на пол и закатилась под свою кровать, разодрав до крови плечо.

– Съем, паршивцы, – прошамкал знакомый старушечий голос, – самого жирного съем!

Сложенная вдвое скакалка издала угрожающий свист и загуляла над кроватками, срубая высунувшихся «паршивцев». Дети падали на матрасы и накрывали головы руками. Рыдания переросли в истерику, крошечные плечики тряслись. О змее все забыли. Баба-яга была настоящей, живой – она кричала и била. Она утаскивала к себе, чтобы съесть. Сколько раз уже было такое: мы просыпались утром и видели рядом пустую кровать.

– Спааааать, бесссстолочи! – Ярость клокотала в старушечьем горле.

Мгновение, и голова бабы-яги отделилась от тела. Дети в ужасе завизжали. А голова легла на подоконник, точно между двумя подвернутыми шторами, и высовывалась теперь из них словно из зловещего театрального занавеса. Голые ветки деревьев хлестали по стеклу за ее затылком – голова дышала, двигалась и не сводила с детей глаз.

– Буду следить, – прохрипела старуха, – кто не уснет, тому смерть!

Тело под черным покрывалом метнулось к выходу и растворилось за дверью.

Дети плакали. Я плакала. Задыхалась и захлебывалась в истерике. Я всегда знала, что когда-нибудь баба-яга меня съест: этой ночью или следующей. Но когда-нибудь точно. Она же

съела мою Аню. И многих других. Слезы выжигали на щеках дорожки, я закрыла ладонями лицо и лежала так, пока не обессилела и не провалилась в глубокую бездну.

Очнулась, когда дети, устав от слез, уже спали, а огромную комнату, уставленную железными клетками-кроватками, освещала луна. Ведро с тряпкой стояло на прежнем месте. Голова бабы-яги скалилась с подоконника. Страшные глаза мертво смотрели мимо меня, куда-то в потолок. Значит, не видит. Можно. Осторожно, чтобы не расцарапать грудь и живот, я выбралась из-под кровати, ловко, как обезьянка, ухватила за ее железные прутья и перебралась через ограду. Из-за дрожи, которая колотила тело от макушки до пят, не сразу смогла попасть головой в ворот пижамной фуфайки. Тощие ноги в брючины штанишек тоже воткнулись с трудом. Наконец справилась. Забралась под одеяло с головой и съежилась в позе зародыша. Я привыкла так спать – уже несколько лет не помещалась в маленькой кровати.

Я и сегодня, спустя многие годы, могу уснуть только так: подтянув колени к подбородку и сжавшись в комок. Непроизвольно всякий раз принимаю эту позу, словно защищаюсь от внешнего мира.

Дыша открытым ртом, я стала медленно оттаивать в уютном пространстве. Через пару минут дрожь отступила. Тело расслабилось во сне, и горячие струи, расчерчивая дорожками ноги, растеклись по простыням. Наконец-то стало по-настоящему тепло. Еще мгновение – и влажный кокон обхватил и согрел, словно вернув в утробу матери. Я погрузилась в сон.

Глава 2

Туалет

– Все встаааали!

Я вздрогнула и открыла глаза. Орут – значит, утро. С потолка в кроватку прыгнул солнечный зайчик. Заметался по одеялу и замер там, где... Холодный пот прошиб меня насквозь. Нееет. Я должна была проснуться до рассвета! Мне нужно было прокрасться в туалет, пока все воспитатели спят, прополоскать простыню, пижамные штаны, просушить их на батарее, а потом снова голой лечь на пол. Я наказана, мне не разрешали спать в теплой постели!

– Тааааак, – она возникла словно из воздуха: толстые ноги, тяжелый зад, обесцвеченные короткие волосы, – что ты тут делаешь?!

Я зажмурила глаза, стиснула губы.

– Ах ты, дрянь!

Ночная воспитательница грозовой тучей нависла надо мной и стремительно откинула край одеяла. Стыд и страх затопили меня – не вынырнуть. Я зарыдала. Горько, безнадежно. Мне стало так стыдно, что хотелось исчезнуть и никогда больше не быть. Я с младенчества знала, что писать в кровать нельзя. Я плохая, плохая!

– Еще и снова обоссалась?! – Губы скривились в злой гримасе.

Тяжелая рука взметнулась вверх и опустилась распластанной пятерней на мое бедро, натянутое в пижаму. Больно не было. Только страшно. Как я могла проспать?! Я плохая, плохая! Я заслужила побои. Слезы накатили с новой силой, залили щеки и подбородок, вызывая новый прилив ярости у женщины. Ее рука взлетала и опускалась, взлетала и опускалась...

– Смену невозможно с этими гадами сдать, – лицо ее покраснелось, щеки покрылись нервными пятнами, – сволочи! То ссут, то срут, то орут ночи напролет!

Почувствовав две железные пятерни у себя под мышками, я внезапно взлетела вверх. Голые ступни больно ударились о холодный пол, я едва успела ухватиться рукой за прутья кроватки, чтобы не упасть. Через мгновение на меня обрушилась скомканная мокрая простыня, следом – пододеяльник. Белье не удержалось на голове, сползло под ноги.

– Руки у тебя есть?! – Воспитательница с силой тряхнула меня за плечи. – Раз-два, взяли! Пошла!

Торопливо собрав с пола охапку, которая не умещалась в руках, я пошлепала по холодному коридору. Хвост простыни волочился следом.

– Бесссстолочь! – Воспитательница подобрала с пола край белья и заткнула его мне за шиворот.

Я толкнула тяжелую дверь в туалет, она со скрипом открылась. Кафельный пол за ночь превратился в каток, я чувствовала, как скользят голые ступни по тонкой корочке льда. Горло и без того уже болело, а теперь в него словно вонзались острые иглы.

Санузел был огромным. По полу тянулся ряд железных горшков, покрашенных бледно-желтой краской. Вдоль стены стояло несколько ванн. В них нас мыли – сажали сразу штук по пять. Окно, покрашенное белой краской, было открыто.

Не с первого раза, но мне удалось перекинуть белье через край ванны и дотянуться до крана – только до холодного, горячий был дальше. Руки онемели под ледяной водой, на белом запястье отчетливее проступили красные родимые пятна. Но я продолжала полоскать – надо было торопиться: скоро приведут всю группу и рассадят по горшкам. Если не успею, снова достанется! Я неумело гладила ладошками жесткую холодную ткань, пытаюсь отмыть постыдные следы.

Мелкая дробь шагов слышалась в конце коридора. Я словно увидела их – маленькие ножки в одинаковых сандаликах, в ряд по четыре, и конвой из двух толстенных, как тумбы, ног в войлочных тапках. Шррррр. Клок-клок-клок-клок. Шррррр. Клок-клок-клок-клок. Первая пара, вторая, третья, ближе и ближе... Я не успела! Жалобно скрипнула и грохнула о стену дверь.

– Тааак, – воспитательница с трудом дождалась, пока печальная вереница войдет, – сняли штаныыыы!

Дети принялись послушно спускать колготы – вечно растянутые и собирающиеся морщинами, они тут же падали на пол. Тощие коленки на глазах становились синими от холода. Малыши морщились, медленно опускаясь на ледяные круги горшков, но молчали. Наказание пугало больше, чем холод. Воспитательница, наконец, закрыла окно.

– Все селииии! – Она посмотрела на меня. – Тебя не касается?!

Я засуетилась, пытаюсь закрыть кран. Не получилось. Воспитательница раздраженно пихнула в мою сторону ближайший горшок. Он со скрежетом пролетел по кафелю и больно ударился в ноги.

– Ааа! – Слезы хлынули из глаз.

– Заткнись!

Не выдержав, воспитательница сдернула с меня пижамные штаны, швырнула их в ванну к постельному белью. Стянула и бросила следом кофту. Я снова, одна из всех, оказалась голой.

– Селаааа, бесстолочь! – рывкнула она.

Железный круг обжег ягодицы. Слезы текли по щекам, легко находя привычную борозду.

– Таааак!

Она убедилась, что все наконец сидят, и поморщилась, безглаголиво скривив рот.

– Кому жопу вытирать?

Робко поднялась первая тонкая рука. Белая, почти прозрачная. Потом вторая. Темная, с желтым отливом. Воспитательница, тяжело вздыхая и кляня полусшепотом судьбу – «всю жизнь говно разгребать», – начала работать туалетной бумагой. Первый пошел. Третий, четвертый, пятый, пятнадцатый, двадцать пятый. Двадцать восьмой.

– Тебе особое приглашение нужно?!

Я снова чувствовала себя виноватой. Малыши послушно сделали то, чего от них хотели. Почему же я не могу быть нормальным ребенком?! Рот уже начал кривиться, глаза снова были на мокром месте.

– Всееее! – Я почувствовала железную хватку на плече и тут же взлетела с горшка. – Ты меня достала, засыха!

Крутой поворот, на мгновение снова в воздух, и я оказалась в ванне. Холодная вода из душа стегнула по коленям и животу. Коричневый кусок хозяйственного мыла стал елозить по телу, царапая разошедшимися краями и оставляя за собой светло-коричневые полосы. Он с силой впечатывался в кожу, тер до красноты. Руки, плечи, живот. Между ног защипало, но мыло двигалось дальше, его было не остановить. Постепенно все тело стало располосованным и покрылось плотной пеной.

– Будешь еще ссаться в кровати?! Будешь?!

Я отчаянно мотала головой. Я не хотела так поступать, но снова и снова не слушалась. Потому что плохая... Воспитательница закончила, наконец, мылить меня и с удивлением – как будто успела забыть об остальных – обернулась к молчаливому отряду, робко топтавшемуся возле полных горшков.

– Эти тут еще, паршивцы! – В ее глазах промелькнуло отчаяние. – А ну, руки мыть!

Дети стали толпиться возле умывальников, торопливо ополаскивая ладошки. Воспитательница бросила мыло на дно ванны и стряхнула ладони, с которых на меня и на стену полетели клочья пены. Вымыла руки, выключила воду и направилась к выходу из туалета.

– Поссстроились!

Дважды повторять не пришлось. Маленькие солдатики, взявшись за руки, уже вытянулись перед дверью. Следующим пунктом в расписании была столовая. А я осталась в ванной одна. Холод сковал все тело, но скоро я перестала это ощущать, уставившись на мыльные пузыри. Они тихонько лопались на коже, превращаясь в бледно-коричневые струйки и стекая вниз. Это было красиво. В каждом крошечном полукруге отражалось утреннее солнце, и мне казалось, что под его куполом поселился целый город. Микроскопические люди жили там своей жизнью, вставали по утрам, умывались. А потом вдруг – бах! – и ничего, только маленькая капля воды, которая начинала искать другую, подобную себе. И, подхватив ее, став больше, искала третью. Вместе они отправлялись на поиски четвертой. Дальше встречали пятую, соединялись с новыми и новыми каплями, бежали вместе. Куда они так спешили? К чему стремились? Никуда. Ни к чему. Они собирались вместе, обходили препятствия – крошечные волоски, чертили замысловатые полосы на животе, сползали по ногам и, добравшись до дна ванной, пропадали в сливе канализации.

Когда я выросла, то, вспоминая те наказания в ванной, стала думать, что капли напоминали нас, сирот. Они ничего не значили. У них не было собственных имен и своей судьбы. И у нас, детей, тоже этого не было. Нас звали «Всееее-встаааа-ли» и «Всееее-выыыыышли». А еще «Идите-сюда». И мы – много-много детей – существовали в доме ребенка как единое целое. Как стадо овец. Даже не так – как одна большая овца под общим названием «бесссстолочи». «Все-оделись», «Все-доели», «Все-встали», «Все-сели». Нас звали так...

– Эй, ты чего тут делаешь?!

Я повернулась к двери и открыла рот, но тут же снова захлопнула его: не решилась ответить.

– Ночная тебя тут оставила? – Дневная воспитательница, которая заступила на смену перед завтраком, обвела взглядом полные горшки, и лицо ее вытянулось. Щеки покраснели от злости.

Я понимала, что злится она не из-за меня, забытой в мыле. Злится из-за горшков, которые «передали по смене».

– Я ей устрою, – она нагнулась за первым, морща нос, и сразу подхватила второй, – сколько лет одно и то же. Вот сволочь!

Я продолжала стоять в ванной, уже продрогшая и никому не нужная. Тонкие струйки все так же ползли по коже вниз, но это были уже не отряды погибших пузырьков – просто коричневая вода. Горло пронзали миллионы иголок, зубы начали перестукиваться, тело бил озноб. Я обрадовалась – заболела! Плохие непослушные дети болеют всегда. Уж мне-то это было известно.

Глава 3

Зима

Не знаю, сколько времени провела в изоляторе, но в группу вернулась вместе со снегом. Снежинки повисли на тонких нитках на потолке спальни – воспитательницы вырезали их ножницами из бумаги. На улице тоже шел снег. Валил огромными хлопьями, покрывая площадку и крыши беседок.

Пока никому до меня не было дела – воспитатели увели куда-то детей, – я залезла на подоконник в спальне и припала лбом к холодному стеклу. В пустом дворе хозяйничал снегопад. Прибирался на свой вкус, заваливая белой ватой все, что было не по душе. Сугробы росли над пустыми клумбами, над сломанными каруселями. Даже над мусорными баками возвышались огромные шапки. В воздухе плясали хороводы крошечных балерин, от которых я не могла оторвать глаз.

– Все одеелось!

Окрик заставил вздрогнуть. Испуганным зверьком я скатилась с подоконника (увидят, куда залезла, накажут) и влетела в раздевалку. Там уже копошились дети. Красные комбинезоны. Белые валенки. Только у двух девочек в группе одежда отличалась от остальных – у меня и у Ани. Мы обе оказались на голову выше малышей. Остальных на зимней прогулке было друг от друга не отличить.

– Явилась, – безразлично отметила темноволосая дневная воспитательница с печальными глазами оленя.

Не зная, нужно ли что-то говорить – накажут, если промолчу или если отвечу? – я замерла с полуоткрытым ртом, глядя в крепкую спину и узкий зад, обтянутый белым халатом. Длинные каштановые волосы воспитательницы выбились из прически и разметались по плечам. Значит, утро не задалось и жди беды.

– Когда уже переведут? Надоела, – процедила она сквозь зубы, разговаривая то ли сама с собой, то ли с уборщицей, которая копошилась в углу.

– А чо, – откликнулась та, – из изолятора к нам опять?

– Как видишь.

Жалобно охнув, воспитательница опустила на низкую скамеечку и, притянув к себе правой рукой первого попавшегося ребенка – тот едва успел вскинуть вверх подбородок, – резким движением застегнула «молнию» на его комбинезоне. Вжжжжж. Готово. Отодвинула его одной левой, а правой за рукав подтащила второго. Встал. Подбородок в потолок. Вжжжжж. Следующий. Встал. Подбородок в потолок. Вжжжжжжжжжжж. Следующий. Работа двигалась привычным конвейером. Вжик. Вжик. Вжик.

– Чой-то я никак не пойму, – уборщица застыла в задумчивости над полным мусорным ведром, – сколько ей лет?

– Пять исполнилось в изоляторе, – я замерла и превратилась в слух, – дылда.

Женщина присвистнула.

– Где же такое видано?!

– А я тебе о чем говорю, – воспитательница со скрипом поднялась со скамейки: детский конвейер наконец закончился, – в три уже духу быть не должно. Еще вторую дылду сегодня вернут!

Она в отчаянии махнула рукой. А у меня сердце забилося от радости – значит, мою Аню не съела баба-яга? Ее вернут? Внутри все закружилось, запрыгало.

– А чего ее держат-то?

– Говорят, документов нет отказных. Мать надо найти.

– Ха, – уборщица вытряхнула мусор из корзины в гигантский черный пакет, – ищи-свищи ветра в поле.

Радость оттого, что я скоро увижу Аню, сменилась привычной грустью. «Пять исполнилось в изоляторе», «мать надо найти», – я повторяла про себя фразы как магическое заклинание, не понимая их смысла.

Только через много лет я узнала, что мать бросила меня в роддоме и ушла, не написав официального отказа. Вместо него она оставила врачам записку, в которой обещала забрать меня домой через три месяца. Сегодня я понимаю, что из-за этого документа и застряла в доме малютки – меня не могли оформить как сироту или ребенка, оставшегося без попечения родителей, не могли перевести в детский дом. Хотя всех, кому исполнялось три годика, отправляли туда. Социальные службы должны были сначала отыскать мою мать и получить от нее письменный отказ от ребенка, а потом инициировать лишение родительских прав. Тогда у меня появился бы статус сироты. Но мне уже исполнилось пять лет, а мою мать так и не нашли. Я жила в подвешенном состоянии – «родительский» ребенок, оставленный на попечении государства.

Пока мы стадом спускались по лестнице, пока выходили во двор, услышанное сжалось в два слова – «пять» и «мать». Что это значит? Не знаю. Всем три, мне пять. Непонятно. Я дылда. Хоть это слово много раз слышала – дылды мы с Аней. А мать? Что значит «мать»? Странные незнакомые звуки, которые притягивают, словно магнит.

Дверь, ведущая на улицу, открылась. Толчок, рывок, сосед споткнулся, сжал руку, сзади клюнули головой в спину, сбоку – в плечо. Мы оказались на дорожке перед детской площадкой. Свежий морозный воздух залетел в ноздри, и голова закружилась от его чистоты. После запахов изолятора – хлорки и остро пахнущих лекарств – тонкий аромат снега казался сказкой. Я незаметно вытянула перед собой ладонь, и на варежку доверчиво опустились снежинки. Хотелось рассмотреть их – переливающихся разноцветными блестками, с лучами невероятной красоты, – но в спину грубо толкнули, и снежинки рассыпались. Мы пошли в глубь двора. Воспитательница оставила нас на веранде, строго приказав не сходить с места, и направилась к заведующей, которая зачем-то вышла во двор. Свобода!

Дети толпились посередине веранды на детской площадке и жались друг к другу. А я присела на корточки у края и стала разглядывать снежинки. Их красота притягивала, казалась волшебством. У каждой снежинки был свой узор. Как это получается? Кто сидит там наверху и вырезает крошечными ножницами это великолепие из тонкого-претонкого льда? В ответ на свой вопрос я словно увидела маленьких-премаленьких человечков на облаке. И как они попадают туда?

– Всеее построоились!

Крик воспитательницы взрезал морозный воздух. А я даже не успела представить себе, как живут эти маленькие небесные существа, которые делают снежинки. Как они сбрасывают их вниз, чтобы прикрыть голую землю, и кусты, и мусор. Просто сидела и смотрела, не в силах оторваться от красоты.

– Комууу я сказаала?!

Я вскочила, встала в строй вместе с детьми, и мы потопали назад, в раздевалку. В нежный морозный аромат из открытой двери врывался привычный запах щей из кислой капусты. Мы возвращались в свое беличье колесо.

– Все раздеелись! Все помыли рууууки! Все за стооол! Все на горшооок! Все спаааать!

Глава 4

Спонсоры

В спальне на кроватях лежит одежда «для спонсоров». Два разноцветных вороха – одинаковые нарядные платья для девочек и одинаковые шортики-рубашечки для мальчиков. Я огляделась в поисках ненавистных бантов. Может, хотя бы про них забыли? Из-за этих оранжевых и красных орудий пыток я ненавидела спонсоров больше всего. А еще за то, что они приходили по праздникам и глазели на нас. Трогали, шупали, пускали слезу, а потом возвращались в свой непонятный мир, куда нам не было доступа.

Нет. Зря я радовалась. Банты принесли следом. Меня выловили первой – поставили перед стулом, на котором сидела воспитательница, и стали драть волосы пластмассовой расческой. Хррррр! Хррррр! За что?!

Прически у мальчиков и девочек были одинаковыми. Чем мы отличаемся друг от друга, кроме названия, непонятно. Просто есть дети в шортиках, а есть дети в платьицах. Только в платьицах страдали больше. Воспитательница твердой рукой сгребла мои короткие волосенки в пучок на макушке и прицепила к ним ненавистный бант, натянув кожу на голове так, что глаза подползли к ушам. Привычно отодвинула меня в сторону, не обращая внимания на скривившийся рот, и притянула к себе следующую жертву. Хрррррр! Хрррррр! Металась расческа. Цеплялся бант. Следующая. Хрррррр! Хрррррр! Готово! Скоро все дети в платьицах выросли на вторую голову, красную или оранжевую, которая мерно покачивалась на макушке. Больно – глаза к ушам – было всем. Но сдирать банты никто не пытался: мы уже знали о последствиях.

Нас ведут в групповую.

Столы, за которыми мы обычно едим, сейчас куда-то вынесли. Ёлка! Увидев ее, мы начинаем толкаться – бесссссстолочи – и никак не поймем, чего же от нас хотят... Наконец, накинувшись всем коллективом, воспитатели вручную собирают всех в кучку – как бы чего не вышло. Я, как обычно, наблюдаю за их лицами. Вот они выравнивают нас – мальчик-девочка, затылок в затылок, висок в висок. Губы сжаты в тонкую нить, придирчивый взгляд. Вот одна из них распахивает двери в групповую, и на лица остальных, словно по команде, слетают улыбки. Глаза остаются неподвижными, как точка отсчета, а рты старательно тянутся в спортивной зарядке – раз, два, три, четыре, сели-встали, губы шире. К нам вваливаются чужие взрослые. Спонсоры. Самая неугомонная воспитательница из соседней группы, вечная тамада, выходит в центр зала.

– Здрааавствуйте, гости дорогие!

Она зачем-то кланяется, спонсоры глупо улыбаются и кивают в ответ.

– Скоро праздник, Новый год! Добрых дел водоворот...

И тут вижу, как открывается дверь и из-за спин взрослых в зал вталкивают ЕЕ! Такую же «дылду», как я, точно в таком же платье и с таким же огромным рыжим бантом! Сердце радостно бьется в груди, стучит так, что, кажется, все это слышат. Тук-тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук! Руки, ноги и даже голова у Ани на месте! Только лицо, как обычно, заклеено пластырем и почти не видно глаз – одни узкие щелки. Опухшие веки, щеки, подбородок. Я знаю, что в детстве Аня не слушалась воспитателей и за это ее украла баба-яга, искусила ей все лицо. Она сама виновата – плохо себя вела. И теперь Аню лечат врачи. Уже много лет.

При мыслях о бабе-яге мне становится страшно, я начинаю постукивать зубами, глядя на единственную подругу. Ничего не могу с собой поделать.

– Ооо, – ведущая нервно дергается, делая непонятные знаки в сторону двери, – вот и Анечку из больницы привезли. После операции.

Она как будто оправдывается, но это не помогает. По толпе спонсоров, они жмутся друг к другу – плечи к ушам, пролетает испуганный вздох. В нем ужас и жалость. И я чувствую эти вздохи, как будто они живые, вижу своими глазами серых мохнатых тварей, которые вываливаются из ртов взрослых вместе с этим отвратительным «ооооо» и разбегаются по углам. Они хуже крыс. Намного хуже! Я злюсь на глупых взрослых. Аня красавица, она, как и я, – такое же платье, такой же бант! Что им не нравится? Аню подхватывают под локоть и запихивают куда подальше, ко мне под бок. Тут ее не будет видно. Она врывается в меня всем телом и прерывисто дышит мне в ухо. Я довольна – мы снова рядом. Осторожно завожу руку за спину, чтобы не видно, и Аня благодарно вцепляется в мои пальцы. Воспитательницы, наконец, прекращают суесться и встают у нас за спинами.

Первый толчок в затылок без банта, и малыш выходит на середину зала. Светленький, ладный. Шаркает черными чешками – шррррр, шррррр – и прячет глаза.

– Мыыыы начинааааем! – продолжает ведущая. – Перед вами выступят воспитанники старшей группы!

Она театрально выбрасывает руку в сторону ребенка, словно представляет всемирно известного акробата – как в цирковом выступлении по телевизору – и словно опытный конферансье отходит в сторону. Малыш мнется с ноги на ногу, тербит влажными ладошками серые шортики. Он вот-вот заплачет, ему страшно стоять перед этими взрослыми, которые смотрят на него, как на диковинную зверушку. «Какой красивый, – доносится из кучки спонсоров, – как же так?!»

– Ну, что ты стоишь? – улыбается ртом и сверкает злыми глазами воспитательница. – Давай!

Ребенок вздрагивает всем телом и начинает тревожный лепет:

– Ёака сикаааает...

– Дааа, – кивает воспитательница и шепчет ему, – шарики...

– Шаикиии бетяят, ааадуютя дееети и...

– И «ура»! – подсказывает она.

– И «уааа» китяят.

– Молодец! – Все хлопают в ладоши, конферансье сияет. – Ууу-ти, наша гордость!

Трехлетние дети выходят в центр зала один за другим, воспитатели за спинами обеспечивают правильный порядок тычками. Малыши лопочут что-то невнятное – учили ведь, бесссс-столочи, учили! – только потому, что боятся наказаний. Я тоже хочу быть хорошей, хочу сделать все правильно, но не знаю стихов. Ни одного. Я болела. Стою обливаюсь холодным потом – вдруг вытолкают и меня тоже вперед, и что тогда?! Меня накажут. Я плохая. Плохая! Мы с Аней две нелепые белые вороны – изоляторная и больничная – каждая о двух головах, стоим и молча потеем от страха. Уффффф. Конец. Нас не тронули.

– А тепееерь, – из толпы спонсоров выходит вперед великан: глаза навывкате, рыжая борода, – с нас детишкам подарки! Сегодня я ваш Дед Мороз!

Он хохочет так, что в окнах позвякивают стекла. Страшно. А воспитательницы проворно тыкают в наши спины – работают в восемь рук, – и мы, спотыкаясь, делаем по шагу вперед. Взрослые оживляются, дети напуганы. Я хочу, чтобы все взрослые скорее отсюда ушли, – хватит, хватит! Мне нужно забиться в угол и избавиться наконец от резких запахов, гула и чужих радаров-глаз. Но нас выстраивают в одну линию и каждому вручают подарок – в одну руку новогоднюю картонку с конфетами, в другую – киндер-сюрприз. Я знаю, что сейчас нужно улыбаться, поэтому так и делаю. Киваю женщине, руки которой вкладывают в мои ладони дары. Шепчу беззвучно, одними губами: «Спасибо». И вдруг ее мягкие тонкие пальцы нежно касаются моей правой руки, покрытой красными пятнами. Мне становится стыдно. Ее прикосновение обжигает – оно не для меня, я его украла и не заслужила ни подарков, ни доброты. Я плохая! Вижу в глазах женщины слезы – она смотрит мне прямо в глаза – и смущаюсь еще

больше. Почему она плачет? Но гостя ничего не объясняет, она уже отходит, чтобы взять из мешка новый подарок и передать его другому ребенку. Точно так же прикоснуться к нему.

– Нууууу, – гремит довольный великан, – теперь общая фотография на память!

Мы строимся под елкой. Дети впереди, взрослые за нами. Толкотня, давка. Шшшшш! Только бы не помять коробку с подарком и не сломать случайно киндер-сюрприз. Я знаю, как надо: встать ровно, посмотреть в камеру, улыбнуться, приподнять подарок, чтобы его было видно. Замереть на несколько секунд, пока взрослые фотографируют историю нашей счастливой жизни, и потом тихонечко ждать. Пока не разрешат разойтись. Краем глаза замечаю, что Аня делает так же, как я. Мое отражение. А вот два незадачливых малыша – попали к нам, когда деревья еще были зелеными, – торопливо разворачивают киндер-сюрпризы и заталкивают сразу по половинке в рот. Офффф! Все дети смотрят на них с ужасом. Я каменею.

Спонсоры, наконец, уходят, довольные собой, а нас выстраивают вдоль стены.

– Все показали подаарки! – чеканит тамада, убедившись, что за гостями закрылась дверь.

Я покорно протягиваю руки с сокровищами – с самого начала понимала, что их заберут. Забирали всегда. Любые подарки исчезали, попав в руки воспитателям. Нам оставалось только гадать, какими они были на вкус. На вид мне больше всего нравились киндеры и тик-таки, нам их часто дарили. Киндер издавал глухой, загадочный звук, а тик-так – звонкий, веселый. Наученная горьким опытом, я обращалась с ними как с драгоценностью. Если что-то сломать, разбить, потерять или – того хуже – съесть при гостях, потом будет очень и очень больно.

Киндеры перестукиваются, пока воспитательницы ходят по рядам и собирают дары. Это все для хороших детей. А мы – плохие.

– Таааак, – одна из них заметила две перемазанные шоколадом мордашки, – выыыышли вперееед!

Малыши – брат и сестра – испуганно жмутся друг к другу. Их выводят на середину.

– Это не для отбросов, – глаза воспитательницы наливаются кровью, – а для нормальных детей! У которых матери пашут с утра до ночи и сраной конфеты на свою нищенскую зарплату не могут купить!

Наша воспитательница – темные длинные волосы уже собраны в хвост – услужливо подает скакалку. Резиновый шнур со свистом разрезает воздух и опускается на голые икры малышей. Они режут от боли, мы жмуримся и дрожим. Скакалка взлетает «буууууу» и врежется в кожу – «дыш!». Так и учит уму-разуму: «Буууу-дешь?», «Бууууу-дешь?», «Буууу-дешь?» Я чувствую, как Аня до боли сжимает мою ладонь.

– Останетесь без полдника и без ужина, – тамада, наконец, останавливает полет шнура и вталкивает режущих крох на место, в наш ряд, – бесстолочи!

Праздник окончен.

В тот день нас, как обычно, привели из групповой обратно в спальню – снимать нарядные платья и парадные банты. Мы переоделись в обычную одежду. Только нарушителей заставили надеть пижамы и лечь в кровати: их день закончился. Воспитательница построила нас парами – Аня снова протиснулась поближе ко мне и встала рядом так, чтобы я ее чувствовала.

– Полдник накрыт! – В проем двери втиснулись толстые довольные щеки.

– Ты зачем вторую дылду притащила в зал? – Воспитательница посмотрела на женщину с оленьими глазами. – Людей пугать?!

Я почувствовала, как Аня вздрогнула и вытянулась в струну.

– Я не знала, – смущенно проговорили щеки. – Думала, надо всех...

– Думать надо головой, а не жопой!

И мы пошли.

Глава 5

Новый год

С самого утра взрослые вели себя странно. Что-то загадочное порхало с пола на потолок, словно к нам влетела нарядная птица в разноцветных перьях. Будто сами воспитательницы превратились в пернатых из телевизора. Яркие ткани. Острые каблуки. Кольца на пальцах и цепочки на шеях. Красные губы.

В обычные дни никто из нас, детей, не отличал в бесконечной веренице женщин одну от другой. Застиранные халаты, серые лица, злые глаза. Воспитательницы, няньки, уборщицы, поварахи, прачки, медсестры, врачи. Их было слишком много. Они постоянно менялись, исчезали и появлялись снова. Я никого не могла запомнить – отличала только одну нашу воспитательницу с тяжеловесным задом и коротким белым ежиком на голове от другой – темноволосяй с оленьими глазами. Женщины ходили в одинаково бесцветной одежде и были все на одно лицо. И только их руки в моменты опасности становились разными: одни превращались в ремень, другие в скакалку, третьи – в широкий тапок.

Но в тот день что-то произошло. Каждая выглядела как диковинное существо в нарядном платье, непохожем на одежду других. Я не могла оторвать глаз от переливов тканей – они мерцали синими блестками, красными всполохами, переливались змеиной чешуей, блестели леопардовой шкурой. Казалось, даже бледно-зеленые безжизненные стены нашего дома ребенка откликнулись на буйство красок и стали вдруг отражать цвета.

Наша воспитательница, толстозадая с короткой белой стрижкой – тамада, скакалка и баба-яга – привела всех в спальню, где вдоль стены стояли стульчики.

– Быссстро сссели!

Мы послушно опустили на места в привычном порядке – так, как садились всегда.

– У нас педсовет, – почему-то снизошла она до объяснений, которые ни о чем нам не говорили, – вы поняли?!

Мы торопливо закивали. Воспитательница сощурилась и пошла вдоль ряда. Это было красиво! Я заворожено наблюдала за блестящей красной тканью, которая плотно обхватывала полные бедра и ноги. При каждом шаге она натягивалась в напряжении, отчего начинала сверкать еще больше, а потом расслаблялась. Словно делала выдох. И вдох. Выдох. И вдох. Воспитательница шла. Платье ее дышало. И вдруг я почувствовала железную клешню на своем плече, а потом слетела со стула. Воспитательница отволокла меня, схватив за запястье, в центр комнаты и развернула к группе лицом.

– Пока я буду на педсовете, подчиняетесь ей, – она трянула меня двумя руками за плечи, – поняли?

Дети снова закивали, а я с трудом удерживалась на ногах. От пальцев воспитательницы через плечи в мое тело втекал ужас.

– Ты остаешься за главную, – наклонилась она ко мне, – всех, кто будет плохо себя вести, бей головой об стену. Понятно?

Я молчала, не смея даже рот открыть. Не кивала. Не шевелилась. Она поняла это по своему и решила меня подбодрить:

– Сил у тебя хватит, не бойся, дылда.

Воспитательница стиснула на прощанье плечо, словно оставляя на нем печать, и, непривычно перестукивая каблуками, вышла за дверь. Я обвела малышей испуганным взглядом и остановила глаза на Ане, ища поддержки. Но она, единственный близкий человек, тоже смотрела на меня с ужасом. Как на палача. К горлу поднялся гигантский ком.

– Сидите тихо, – прошептала я, понимая, что еще немного – уже ничего не смогу сказать: голос задрожит и сорвется.

Все это происходило со мной. Когда я сама была меньше, меня тоже била головой об стену старшая девочка в группе.

Картина из прошлого вспыхнула будто бы на экране. Мы сидели в тот день точно так же, на этих самых стульчиках, только дети рядом другие – их здесь больше нет. Сидеть неподвижно было тяжело, у меня затекли ноги. Я знала, что нельзя шевелиться, но больше не могла терпеть и едва заметно переставила ногу. Наша надзирательница с каменным лицом, которой так же, как мне сейчас, поручили следить за порядком, подошла к моему стульчику и со всей силы ударила меня ладонью в лоб. Я врезалась затылком в стену так, что искры полетели из глаз. На затылке проступила кровь – я почувствовала ее на пальцах.

– Молодец, – сквозь туман я слышала скрип двери и голос воспитательницы, – только так они понимают!

Красные капли на пальцах стояли перед глазами. Затылок чувствовал удар, словно он случился только сейчас. Я молила детей о тишине, говорила с каждым глазами: «Сиди тихо. Просто сиди. Я тебя не обижу». И они сидели, не двигаясь, словно слышали меня. Но, даже если бы кто-то из них начал шуметь, вскочил с места, я никогда не смогла бы ударить. Больше, чем наказания, я боялась причинить боль другому человеку.

Дети удивленно смотрели на меня. Я видела, что, натянутые струной в самом начале, они расслабляются. Один заерзал на стульчике, второй подул на вспотевшие ладони, третий тихонечко пошевелил ногами, четвертый начал беззвучно играть со своими пальчиками. Но все сидели тихо. Я смогла сделать так, чтобы они слушались безо всякой боли!

Дверь за моей спиной неожиданно скрипнула, я резко обернулась. Огромным красным коршуном воспитательница метнулась к детям.

– Как ты сидишь?! – Она пнула Аню по колену, сбивая одну ногу с другой. – Развалилась!

Мимолетная радость оттого, что я справилась с заданием, испарилась. Воспитательница шла вдоль ряда детей, шлепая их, пиная, отвешивая подзатыльники.

– Это дисциплина?! – бушевала она. – Это порядок?!

Красный всполох ослепил меня – блески на ткани целились прямо в зрачки. Я почувствовала отвратительный запах, вырвавшийся заодно со словами.

– Будешь наказана, бесстолочь, – она дышала мне прямо в лицо, – до тихого часа просидишь здесь. И останешься без еды. Селааа на корточках!

Она с силой нажала на мои плечи, и я опустилась к полу. Красные шпильки на моих глазах впились в линолеум. Один каблук вдруг подвернулся, но потом с новой силой вонзился в пол.

– Строимсяяяяя!

Висок к виску. Ладонка в ладонку. Раз-два, раз-два. Клок-клок, клок-клок. Она построила детей и вывела за дверь. А потом обернулась и бросила мне:

– Я все вижу! Не смей вставать!

А я и не смела. Я сидела на корточках и смотрела в одну точку. В голове глухо стучало: «Я плохая. Плохая». Как бы ни старалась – все равно! Обидно было не то, что посадили на корточки – давно привыкла к этим многочасовым сидениям, самым частым наказаниям в доме ребенка, – а то, что у меня ничего не выходит! Я же пытаюсь не злить воспитателей, все делать правильно, не ошибаться, стать незаметной. Я знаю, за что именно бьют, лишают обеда, сажают на корточки. И старалась изо всех сил не делать того, что нельзя! Но почему, почему не справляюсь?! Сколько раз мне хотелось спросить у воспитателей: «Что со мной не так?» Но я знала – спрашивать ни о чем нельзя, ни у кого и никогда.

Всего дважды в доме ребенка я открыла рот, чтобы задать вопрос. И после – никогда. Первый раз, когда только-только поступивший малыш орал без остановки как резанный. Я

хотела ему помочь: стояла рядом с его кроватью, гладила по спинке, ногам, но он сотрясался в отчаянном плаче, синел и ни на что не реагировал. Мне нужна была соска – последняя надежда. Я обшарила пол в спальне – может, где-то валяется? Нет. А он все кричит. Тогда решилась на отчаянный шаг – выйти из спальни. У воспитательниц точно есть пустышки. Но не успела я открыть дверь, как дорогу мне преградили. На меня сверху вниз смотрела взлохмаченная женщина.

– Мне, – задыхаясь от ужаса, начала я еле слышно, – нужна соска...

– Что?! – выплюнула она, дернув меня за руку и потащив обратно. – Кто разрешал выходить? Быстро в угол!

Малыш кричал еще сильнее, никто из детей не мог уснуть – измученные усталостью, они раскачивались в своих кроватках. Но воспитательница ничего этого не видела, не замечала. Она поставила меня в угол, бросила «стоишь до утра!» и вернулась к себе.

Второй раз я заговорила, когда моя Аня случайно разлила за обедом компот.

– Где можно взять тряпку?

– Разлила?! – заорала в ярости воспитательница. – Ах ты, бестолочь! Руки не из того места растут?! Один урон от вас, тунеядцев!

Я не понимала всех ее слов, только чувствовала растущую злость и вжимала голову в плечи. Гнев взрослого, словно гигантский огнедышащий дракон, вырастал до самого потолка. Пытающийся. Страшный. Аня вдруг неизвестно зачем вылезла из-за моей спины и встала перед драконом.

– Это я пролила.

В тот день она долго сидела на корточках посреди спальни. И никому нельзя было к ней подходить. Аня была наказана. С тех пор я молчала всегда. Не потому, что не умела говорить, а потому что открывать рот слишком опасно.

Стена поплыла перед глазами. Я почувствовала, как крохотные иголки начинают пронизывать икры и затекшие ступни, а бедра дрожат от напряжения. Долго еще?! Опять обо мне забыли. Живот громко заурчал от голода. В испуге, что кто-то это услышит, я обернулась на дверь. Когда же за мной придут? Когда же?

– А ты тут чего? – В дверь заглянула незнакомая воспитательница. – Ваши уже на горшок пошли. Ну-ка, бегом!

Я посмотрела на нее вопросительно.

– Давай-давай! – поторопила она.

Неужели не понимает, что на корточках дети сидят, когда наказаны? Новенькая. И, кажется, добренькая. Я вскочила и побежала к двери, спотыкаясь на затекших ногах.

– Осторожно! – прикрикнула она, подхватив подол своего переливающегося змеиноного платья.

Никем не замеченная, я добежала до туалета. Дети уже сидели на горшках. Красного коршуна рядом не было. Я быстро стянула колготы с трусами и шлепнулась на единственный свободный горшок в углу. Мое место никто не занимал – каждый ребенок здесь знал порядок. Дети рядом со мной кряхтели. Маленькие лица покрывались красными пятнами от натуги. А я просто сидела и ничего не делала – днем не будут ругать за пустой горшок. Тем более сегодня весь день с воспитательницами творится что-то странное. И тут вдруг за окном раздался страшный хлопок. Еще! Бууух, бу-бу-бууух! Замазанное белой краской окно вспыхнуло ярким желтым светом. Потом синим. И красным. Дети закричали от ужаса. И стали с грохотом прыгать на горшках в дальний от окна угол, прямо на меня. Новый хлопок. Бу-бууух! Еще всполох света. Теперь зеленый. Я сидела, пригнув голову к коленям и закрыв уши руками, чтобы не слышать новых хлопков. Чтобы хоть чуть-чуть приглушить детский крик и невыносимый железный грохот горшков о кафельный пол. Такое было уже не в первый раз – я знала, что могут стрелять и будут вспышки. Поэтому садилась подальше от окна.

– Что вы творите, бесссстолочи?! – Красный всполох возник в проеме двери. – Кудаааа?! Но детей было не остановить. Грохот горшков продолжался.

В доме ребенка мы боялись всего. Любого шороха, резкого звука, крика. Темноты, всплеск света, взрослых. Скачки на горшках передавались из поколения в поколение как основной инстинкт. Одни дети убывали, другие появлялись, но ничего не менялось. Мы были стадом. Каждый из нас знал это мерзкое ощущение, когда собственные фекалии плещутся в моче и шлепают при каждом скачке по голому заду. И все равно скакал, не слезая с горшка. Страх был сильнее.

– Идиоооооты, – воспитательница крикнула так, что стекла задрожали, а дети замерли и заткнулись, – это салют, дебилы! Праздник, урооооды! Новыыый гоооод!

Она смотрела на нас сверху вниз с ненавистью. Как на заразу, на грязь.

– За что мне такое наказание?! – Рот выплевывал слова вместе со слюной, а глаза стали цвета платья. – За какие грехи?! Сраные жопы. Грязные рожи. Зассанные штаны.

Она оперлась спиной о дверной косяк, закрыла лицо руками и сползла вниз по стене.

– Я хочу как человек! – почему-то объясняла она нам, а ее рот кривился в жалкой гримасе. – В красивом платье в ресторан! На танцы с мужиком. Чтобы меня водили, а не сикуху, которая младше на двадцать лет! Но у меня на работе сраные жопы. Дома кастрюли и уроки. А больше ничего в этой жизни нет. И все это из-за детей! Ну, почемууууууу?

Она страшно закричала, подняв голову к потолку, а все мы, затихнув от ужаса, смотрели на ее красный, искривленный рот.

Змеиное платье возникло в двери бесшумно. Узкая рука в тонких кольцах легла на пылающее плечо.

– Иди к остальным. – Новенькая воспитательница помогла нашей подняться.

– Зачем?!

– Посидишь отдохнешь. Вот зря ты стакан за стаканом.

– Не твое дело!

– Конечно. Я тебя провожу, а потом уложу детей. Сидите тихо, – бросила она нам.

Было слышно, как удаляются две пары ног. Цок-цок. Цок-цок. Мы вслушивались в незнакомые неровные звуки. За окном раздался еще один хлопок и вспыхнул новый – на этот раз оранжевый – салют. Но мы даже не шелохнулись, только на миг зажмурились. Сказали же. Новый год.

Полдника и ужина в тот день не досталось никому. Нас уложили в тихий час и забыли в кроватках до самой ночи: взрослые были заняты. Я долго раскачивалась влево-вправо, стараясь убаюкать сама себя, но никак не могла уснуть из-за голода. Потом, обессилив, свернулась под одеялом в клубок. Детская кроватка давно оказалась мне мала, но другой в спальне не было. Приходилось спать, подтянув к подбородку колени.

Той ночью я проснулась от резкой боли, распахнула глаза и увидела перед собой вспышку красного света, над которым качалась голова бабы-яги. Я затряслась от ужаса и моментально втянула ноги. Опять забылась во сне, и они высунулись в проход! Воспитательницы били меня по ногам каждый раз, как я случайно вытягивалась. А теперь еще и баба-яга об этом узнала! Все потому, что я не умею нормально спать. За это меня наказывают. Я плохая! Увидев, что преграда пропала, старуха тут же забыла обо мне. Пошатываясь и цепляясь когтистой лапой за спинки кроватей, она пошла к другим торчащим в проходе ногам. Аня! Я то ли вскрикнула вслух, то ли заорала мысленно, но подруга меня услышала – ее ноги дернулись и втянулись в кроватку. Баба-яга не успела. От ярости она стала стегать прутья кровати. Под свист и шлепки скакалки за стеной раздался мелодичный стеклянный звон, и взрослые дружно закричали: «Урааааа! С Новым годом!» Баба-яга обернулась на звук и быстро, врезаясь бедрами в спинки кроваток, вылетела вон...

Только когда подросла, я поняла, что такое Новый год. Той ночью наступил 1998-й. Мы, дети из дома ребенка на Измайловском шоссе города Москвы, ничего об этом не знали. С нами не отмечали праздников. Мы не догадывались, что у каждого человека – даже ребенка! – есть свой день рождения. Не понимали, что значит радость. Человеческое тепло. Любовь. Да о чем это я? Многие из нас никогда не слышали собственных имен. Мы просто существовали, трясясь от страха двадцать четыре часа в сутки. Боялись взрослых до умопомрачения, до судорог, до энуреза. Шарахались от них и всегда молчали. Единственное чувство, которое мы тогда испытывали, – был СТРАХ. И он остался со мной надолго.

Глава 6

«Санта-Барбара»

В то утро я проснулась не от крика и не от боли, а от странного ощущения – кто-то осторожно трогал меня за щиколотку. От этих непривычных прикосновений по всему телу растеклось незнакомое тепло. Я открыла глаза и увидела ту самую новенькую воспитательницу. Змеиное платье.

– Что это у тебя?

Она внимательно разглядывала красные полосы на моих ногах. Я быстро втянула ноги под одеяло. Опять я делаю, как нельзя!

– Скажи мне, не бойся.

Я продолжала молча на нее смотреть. Если признаюсь, другие воспитательницы накажут так, что в полосах будут не только ноги. Змеиное платье сделало несколько шагов в сторону спящей Ани. На ее бледных, не вмещающихся в кровать ногах краснели точно такие же полосы.

– Не похоже на ремень. – Воспитательница обернулась ко мне.

Я отрицательно мотнула головой. Не могла ничего сказать. Только сжалась в комочек.

– Значит, скаалка. – Она не злилась, не повышала голос. – За что же вас наказали?

– Твое-то какое дело? – В дверях возникла наша воспитательница.

Всклопоченный ежик. Красные глаза. Помятое лицо и плотно сжатые губы. В звуках ее голоса ощущалась угроза. Я слышала, что она на нас злится.

– Две девочки не умещаются в кроватях, – спокойно сказала новенькая.

– Заколебали! – Толстая шумно задышала. – Опять ноги в проход выставляли, бесстыдники?!

– Они ни при чем. – Я только сейчас с ужасом поняла, что новенькая пытается нас защитить.

Я смотрела на нее в панике. Зачем это все?! Не надо! Будет только хуже.

– Дылды! – Наша воспитательница заводилась все больше.

– Они не виноваты, – строго повторила новенькая, – кровати малы.

– Учишь их уму-разуму! – Она не слышала.

– Как учишь? Скаалкой?

– Чтоооо?! – вскинулась белобрысая.

– У детей на ногах красные полосы. Не надо делать вид, что это не твоих рук дело.

– А ты кто такая? – Наша воспитательница начала наступать. – Без году неделя работаешь! Морали пришла читать?!

– Детей бить нельзя.

– Ха! Своих родишь, потом поговорим. А пока помалкивай.

– Есть цивилизованные методы воспитания.

Я спряталась от страха под одеяло, но даже сквозь толстую ткань чувствовала электрические разряды, которые носились по спальне.

– Это тебя в твоих институтах учили? – Воспитательница оперлась о мою кровать. – Так и возвращайся туда! Чего к нам-то приперлась, говно разгребать?

– А это уже мое личное дело.

– Вот, так и скажи, – воспитательница неожиданно рассмеялась, – родить не можешь! Решила себе ребеночка присмотреть? Плавали, знаем.

– Не смей!

– Ладно тебе, – она примирительно зевнула, ее ярость словно рукой сняло, – дело житейское. Я сто лет тут работаю. Всегда наказывали, а как же иначе? И ты через полгодика по-нашему запоешь.

– Да я...

– Не то что ремня дать, – она даже слова вставить не давала, – через пару месяцев будешь мечтать убить этих ссунов и срунов!

Я услышала стремительные шаги и громкий хлопок – дверь спальни с размаху влетела в косяк. От резкого звука вздрогнули и проснулись дети, которые умудрялись спать, пока женщины переругивались. Многие от испуга завели тоскливое «Аааааа».

– Началooooоось, – белобрысая пошла по рядам, засовывая руку под каждое одеяло, – кто обоссался за ночь? А ну, признавайтесь, бесссстолочи!

Пока ко мне приближалась угроза, я трясущимися от страха руками сгребала под собой мокрую простыню в комок. Запихивала ее под колени. Накажут. Снова накажут!

– Пороть их нельзя, – ворчание продолжалось, – да что им делается?! Я родных-то луплю, как сидоровых коз, только лучше становятся...

На следующий день в нашу спальню пришли рабочие. Не говоря ни слова, отодвинули одну кроватку от стены и вынесли вон. А на освободившееся место поставили огромную, двухъярусную кровать. Мы никогда в жизни ничего подобного не видели! Раскрыв рты, все малыши в группе наблюдали за их работой.

– Чего вы тут жметесь? – Воспитательница с оленьими глазами подтолкнула нас с Аней вперед. – Идите уже! Это теперь ваша кровать.

Мы смотрели на нее в изумлении и не смели пошевелиться.

– Готово, хозяйка, – доложил рабочий, – укладывайте.

– Спасибо!

Как только мужчины вышли, нас с Аней грубо дернули за руки, подтаскивая к шкафу с чистым постельным бельем.

– Что замерли, дылды? – Воспитательница вложила каждой из нас в руки по простыне, пододеяльнику и наволочке. – Стелите!

Мы старались все удержать, ничего не уронить.

– А ты, – я почувствовала железную клешню на своем плече, – еще раз обоссешься, убью!

Воспитательница предостерегающе тряхнула меня за плечо и отпустила. Завороженная невиданным зрелищем, я медленно двинулась к кровати. Аня уже ползала по верхнему ярусу, старательно разглаживая по матрасу простыню.

Во время тихого часа я долго не могла пристроиться на новом месте – крутилась с боку на бок, наслаждаясь простором и тем, что кровать бесшумная. Не то что старая клетка, которая скрипела при малейшем движении. Я заглянула под кровать и обрадовалась: между полом и матрасом не было свободного пространства, оно оказалось закрыто. Значит, они больше не смогут класть меня голой под кровать! Проверяя длину матраса, я вытянулась во весь рост. Ноги умещались целиком, и еще оставалось место. Это было необычно. Удивительно. Я полежала немного, наслаждаясь новой позой, а потом невольно подтянула колени к подбородку и свернулась в клубок.

А ту воспитательницу, змеиное платье, я больше не видела никогда. Даже не думала о ней.

Время шло. Весна сменяла зиму, а осень – лето.

Хотя тогда мы не различали времен года: когда падает снег, а когда набухают почки? Когда зреет урожай, а когда облетают листья? Этому нас никто не учил. Зато мы хорошо усвоили, что будет, если случайно пролить компот или испачкать одежду. Ослушаться взрослых или задать вопрос. Мы существовали в пространстве, где правили страх и режим.

Ни на мгновение мы не отступали от заученного распорядка. Встали с кроватей. Одежда, туалет, каша. Сходили на прогулку. Телевизор, суп, пицца. Легли спать в тихий час. Горшок, молоко, телевизор. Столовая – спальня. Столовая – спальня. Столовая – спальня. Столовая – спальня. Вся наша жизнь проходила в двух комнатах. Никаких отклонений от графика. Ничего нового день за днем. Даже сесть на горшок нельзя было, когда вздумается. Сегодня я понимаю, какой это ужас – существовать без возможности реагировать на потребности своего тела. Терпеть, терпеть и терпеть. Подавлять естественные желания настолько, чтобы перестать их ощущать – «взрослые знают лучше». А тогда никакой другой жизни просто не представляла. Ничто не прорывалось извне в нашу отрезанную от мира параллельную реальность. Одни и те же зеленые стены. Одни и те же лица. Одна и та же еда. Один и тот же ужасный фильм. Все время, что я жила в доме ребенка – с 1992 по 1998 год, – по телевизору шла «Санта-Барбара».

– Все за столыбы! – командовали вечером воспитательницы.

Мы уже знали, что нужно быстро сесть за пустые столики в игровой, которая по совместительству была нашей столовой и кинозалом. Каждый день в одно и то же время мы занимали каждый свое место и умолкали. Убедившись, что дети наконец замерли и не шевелятся, воспитатели включали телевизор. Они садились в кресла спиной к нам и прилипали к экранам, откуда на нас выплывали бесконечные арки. Мы старались не шуметь и не подавать признаков жизни, хотя неподвижное сидение перед телевизором было пыткой. Зато воспитательницы замирали в блаженстве – целых сорок пять минут счастья с Иден, Келли, Крузом, Си Си («Что тут смешного? Бессстолочи!»).

Они ускользали из своей проклятой жизни в экран. А мы оставались в своей, умирая от желания подняться с жесткого стула и вернуться на коврик. Но было нельзя.

У меня перед глазами даже сейчас, хотя я уже взрослая и детство осталось далеко позади, плывут бесконечные арки...

Нас мучили «Санта-Барбарой» изо дня в день целых шесть лет. И, хотя я не помню ни единого слова из бесконечных речей героев, не могу пересказать ни одной сюжетной линии, жгучая ненависть ко всем этим Келли, Си Си и Крузам есть до сих пор. Как и ненависть к дому ребенка.

Глава 7

Лечение

Я лежала с открытыми глазами и разглядывала фанерное дно верхнего яруса. На нем просвечивали коричневые очертания сучков, проступали круги старого дерева. Можно было часами смотреть и находить новые изгибы, тени, которые рассказывали свои истории. Я видела извилистые дорожки, а вокруг них – деревья. И маленькие домики, в которых наверняка жили какие-то люди. Но я больше не хотела людей. Не хотела, чтобы они были в моей жизни и даже в тех картинах, которые я видела в своем воображении.

Я давно приучилась просыпаться раньше всех. Уже ничего не могла поделать с собой – к утру всегда оказывалась мокрой. Воспитатели, чтобы я не писалась ночью в кровать, не давали мне пить за полдником и за ужином. Несколько раз за ночь будили и сажали на горшок. Ругали, наказывали, били ремнем. Ничего не помогало. Просто я была плохой, вот и все. И чем больше страха скапливалось во мне, тем чаще я мочила постель. Дошло до того, что моя простыня и пижама постоянно воняли мочой. Когда взрослые не замечали этого, я снова и снова ложилась спать в мокрую постель. Когда замечали, мне же было хуже.

В тот день рано утром скрипнула дверь, воспитательница вошла и остановилась возле нашей с Аней кровати.

– Одевайся! – коротко бросила она, наклонившись ко мне.

Она была чем-то возбуждена и не обратила внимания на то, что я лежу мокрая от пят до ушей. Стараясь не шуметь, я стащила с себя влажные пижамные штаны, следом кофту, стала натягивать трусы и колготы.

– Быстрее! – приказала она.

Как только я надела через голову платье, меня дернули за руку.

– Обувь, – прохрипела воспитательница и отчаянно зевнула.

Я заметила, что, несмотря на такую рань, губы у нее уже покрашены, а оленьи глаза подведены. Неужели снова приехали гости?! Я быстро надела чешки – не хотела добавлять раздражения, взясь с застежками сандалий, – и вылетела вслед за взрослой, ведомая ее сильной рукой. Она тащила меня вверх по лестнице, схватив за запястье. Я во все глаза смотрела под ноги, чтобы не споткнуться, перебирая ступени со скоростью взрослого человека. Наконец мы остановились перед дверями медицинского кабинета. За окошечком белой двери, завешенной пеленкой, было темно. Воспитательница провела рукой по длинным каштановым волосам, улыбнулась и постучала. В окошечке вспыхнул свет.

– Можно? – Она тихонько открыла дверь. – Девочку привела вам показать.

– Что же так рано? – протрубил из глубины кабинета мужской голос.

– Потом времени не будет, в семь у детишек подъем!

Доктор, шурясь, вышел из-за ширмы. Он был огромным, до потолка. Чтобы заглянуть ему в лицо, пришлось бы запрокинуть голову. То ли мне показалось, то ли я действительно услышала сдавленный вздох воспитательницы, которая стояла позади меня. Я изумленно разглядывала мужчину – растрепанные волосы, грубое лицо, щеки, покрытые жесткой щетиной.

– Что с девочкой?

– Эээ, – она на мгновение замялась, а потом резко подняла мою правую руку, – у нее опасные красные пятна!

– Раньше их не было?

– Нет!

Зачем воспитательница соврала, я не знала. Эти пятна на правой руке были у меня всегда. Кто только не пытался отмыть мне руку – терли и мылом, и мочалкой, скребли чуть ли не до крови. Она и сама это делала.

– Таааак... – Доктор взял со стола очки и нацепил их на нос.

– Это какая-то инфекция, – шепотом сообщила она, – представляете, если все заболеют?! Что нам тогда с ними делать?

– Отставить панику. – Врач одним точным движением выдвинул из-за стола стул, сел и склонился над моей рукой.

– Вам легко говорить, – воспитательница незаметно подобралась поближе и прижалась грудью к плечу великана, – а у меня тридцать детей!

– А у меня сто пятьдесят. – Он повел плечом, словно желая избавиться от непрошеного соседства, и, аккуратно нажав на красное пятно, спросил меня: – больно?

Я хотела ему ответить, почему-то почти не испугалась этого незнакомого человека, такого лохматого и большого, но не успела даже рот открыть.

– Да! – выпалила за меня воспитательница.

– Простите, – голос врача изменился, – я спросил у ребенка, а не у вас.

– У кого?! – Она выпучила глаза и непонимающе уставилась на него.

– У ребенка, – он старательно повторил, – у вашей девочки.

– Она не разговаривает! – Щеки ее покраснели.

– Правильно, вы ей не даете. Не видите, девочка вас боится?

– Меня?! Думайте, что говорите!

– Я как раз думаю, – врач осторожно держал мою руку в своих больших ладонях, – а ну-ка, выйдите вон. Будьте добры.

– Я помочь, – закудаhtала она, пятясь к двери, – вдруг тут инфекция! А вы устроили. Хам!

Она развернулась на каблуках – я только сейчас заметила, что воспитательница не в привычных тапочках, а в туфлях, которые надевала только в дни спонсоров, – и выскочила за дверь.

– Невозможно работать, – пожаловался мне доктор с улыбкой, продолжая ощупывать руку, – шпионы! Выяснили в два счета, что холостой, ходят теперь табунами. Одна за другой.

Он еще покрутил мою руку.

– Так я и думал, – он с облегчением улыбнулся, – у тебя ведь давно эти пятна?

Я молча кивнула.

– Не беспокоят?

Я отрицательно мотнула головой.

– Тогда все в порядке, – он на секунду задумался, – смазывай их сливочным маслом, чтобы кожа не сохла и не чесалась.

Он улыбнулся, поймав мой изумленный вопросительный взгляд.

– Обычное масло, знаешь? Вам на бутербродах дают, – объяснил он на понятном мне языке, – ты его возьми и руку помажь. Будет легче.

Он подождал, когда я ему поверю, потом встал и махнул мне рукой.

– Пойдем отведу тебя в группу. Скоро подъем.

За завтраком мы сидели с Аней за столом – каждая на своем месте. Она безо всякой охоты, просто потому, что надо есть, ложку за ложкой отправляла в рот манную кашу. Я свою кашу уже проглотила – на автомате, не чувствуя вкуса – и теперь неотрывно смотрела на квадратный кусочек масла, который лежал на хлебе. Пока мы ходили в туалет, пока умывались, успела рассказать Ане и про масло, и про врача. Аня заметила мой пристальный взгляд.

– Мажь, – прошептала она, тихонько кивнув на масло.

– Как?! – Я боялась, что меня накажут: знала, что нельзя так обращаться с едой.

– Бери и мажь, – не унималась Аня, – врач же сказал, надо.

Я колебалась, а Аня подбадривала:

– Надо слушаться взрослых!

Чувствуя себя преступницей, я сначала осторожно дотронулась до подтаявшего кубика указательным пальцем левой руки. Ощущения были приятными. Потом чуть осмелела и зачерпнула пальцем немного масла.

– Никто не видит, – Аня торопливо оглянулась, – давай!

Страх чуть-чуть отступил. Я положила правую ладонь на стол и стала размазывать масло по красным пятнам. Мне казалось, что они на глазах белеют, становятся незаметными. Это было хорошо. Значит, врач говорил правду! Я зачерпнула еще.

– Мажь, – подзадоривала Аня, – не бойся.

Я с удовольствием размазывала масло по руке. И воображала, что скоро вылечу свои пятна. От масла они пройдут, я стану как все. Мне больше не будет стыдно за то, что я не такая, за то, что не могу отмыться от неопрятной красноты...

И тут за спиной раздалось шарканье взрослых ног. Я дернулась и быстро спрятала правую руку. Воспитательница подошла к нашему столику и склонилась надо мной.

– Что там у тебя?

Я, как обычно, открыла рот и начала глотать воздух, не в состоянии произнести ни слова.

– А ну покажи!

Не двигаясь, я продолжала сидеть, сунув руку под стол. Решила молчать до последнего. Воспитательница видела размазанный пальцем кубик масла, спрятанную под столом руку и ничего не могла понять. И тут как гром среди ясного неба.

– Она мазала, – звонкий голос Ани прозвучал на всю столовую, – маслом руку!

– Что?! – Воспитательница замерла в изумлении.

– Мазала руку, – повторила Аня.

– Чем?

– Маслом. С бутерброда, – охотно объясняла Аня, – это чтобы пятна прошли. Вот эти красные на руке. Чтоб их не стало.

Щеки мои пылали, я чувствовала себя преданной. Единственный близкий человек рассказал воспитательнице, что я сделала с рукой, прекрасно зная, как меня за это накажут. И она не сказала ни слова о враче! Не объяснила, что это он так велел. Сам он тоже никого не предупредил. Что теперь будет?! Но я же не специально так сделала. Я не хочу быть плохой. Я хочу всегда-всегда слушаться взрослых.

– Ах ты, бесстыдочка!

Воспитательница схватила меня за запястье и вытащила из-за стола. Стульчик упал, на мгновение я взлетела в воздух. В руке что-то хрустнуло, но она не обратила на это внимания.

– Так обращаться с едой! Сидят тут на всем готовом. Паршивцы!

Она протащила меня через всю столовую волоком. Втолкнула в спальню и оттуда – в туалет. Раздела, поставила в ванную и начала намыливать хозяйственным мылом с головы до пят. Правую руку она терла с диким остервенением, впившись в мое плечо пальцами так, что от боли у меня искры сыпались из глаз.

– Паршивка, – повторяла воспитательница, продолжая возить по мне вонючим куском коричневого мыла, – дрянь малолетняя!

Она намылила меня и оставила, а сама ушла. Я знала, что снова буду стоять в ванне голая, пока не продрогну. Пока не лопнут все пузыри и надо мной не сжалится кто-нибудь. Буду стоять час или два...

Тот урок я запомнила на всю свою жизнь. Руку больше никогда и ничем не мазала. И с Аней перестала говорить. Единственная. Самая близкая. Она меня предала.

Глава 8

Прощание

Я окончательно замкнулась в себе. Единственное окно наружу – Аня – закрылось. Я стала умной, ничего лишнего не делала, никому ни о чем не говорила. С детьми не общалась. Молча выполняла указания взрослых. Разговоров про чувства, про жизнь не было никогда и ни с кем. Был однообразный, раз и навсегда заведенный порядок, в котором мы, сироты, не различали ни дней, ни друг друга. Я мучилась оттого, что не могла больше доверять Ане. И хотя мы по-прежнему сидели с ней за одним столом, ходили, взявшись за руки, в туалет, к себе я ее больше не подпускала.

Однажды утром, это было в конце ноября 1998 года, меня и Аню после завтрака привели в спальню. Дети одевались на прогулку, а нас почему-то отделили от группы – воспитательница взяла обеих за запястья и подвела к кровати. На ней лежали два новых спортивных костюма ярко-желтого цвета.

– Одевайтесь.

Женщина с глазами оленя впервые за все время, что мы жили в доме ребенка, улыбнулась нам. В ее голосе прозвучали новые теплые нотки. И я поняла, что происходит что-то очень важное. Я осторожно дотронулась до костюмчика рукой – вдруг все-таки нельзя? – он оказался мягким, словно дымящийся пух. Неужели теперь мой?! Не отберут? Я нерешительно оглянулась на воспитательницу.

– Надевай-надевай, – засмеялась она, – можно.

Я торопливо стащила с себя платье и ненавистные колготы, осторожно натянула сначала штанишки, потом кофточку. На моей груди теперь красовался синий якорь. Первый раз в жизни вещь, которую я надела, мне нравилась. Мы с Аней, обе желтые, стояли друг против друга и смотрелись как в отражение.

– Идем! – поторопила воспитательница.

И мы вышли из спальни. Прошли мимо пустой игровой. Вошли в раздевалку. Мы чувствовали себя взрослыми и обе понимали – что-то меняется навсегда.

– Вас переводят, наконец, в детский дом, – сказала воспитательница и положила перед нами уличную одежду.

Так мы узнали, что переезжаем. Не испугались, не заплакали. Со всеми детьми в доме ребенка было так: привезли, увезли, был – и не стало. Никто не помнил, кто, откуда взялся и куда потом пропал. Все знали, что когда-нибудь исчезнут. Воспитательница не сказала нам с Аней: «На съедение к бабе-яге». Она сказала: «Вас переводят» – значит, все хорошо и мы вместе. Этого было достаточно, чтобы мы спокойно пошли за ней.

Теперь я думаю, что они специально выбирали моменты, в которые исчезновение детей было не так заметно: все ушли на прогулку, а ребенка в это время увезли; в тихий час заснули, потом проснулись – уже меньше детей. Никто ни с кем не прощался. Никто ни о ком не плакал. Наверное, взрослые так и хотели: чтобы мы не запоминали этих моментов. А может, просто не думали о том, что и детям при расставании тоже нужно говорить друг другу: «Пока».

Мы с Аней оделись и теперь шли к двери, чтобы выйти на улицу. Вещей с собой у нас никаких не было – вся одежда и игрушки принадлежали учреждению. Я взяла тихонько Аню за руку и хотела сказать, что больше не злюсь на нее за ту историю с маслом. Почему-то мне показалось, что это важно. Но обернулась на воспитательницу – она шла следом за нами с

двумя папками документов – и постеснялась открывать рот. «Ладно, – решила я, – по дороге скажу. Или потом, когда рядом не будет взрослых».

У выхода из Дома ребенка стояло две машины. Я обернулась – вдруг кого-то еще переводят сегодня, – но нет. Мы были вдвоем: воспитательница, Аня и я. Тревога заставила вцепиться в подругу.

– Давай садись, – дверца первого автомобиля открылась, и незнакомая женщина протянула мне руку, – помогу забраться.

Я не отпускала подругу.

– Скорее, скорее! – Воспитательница дернула Аню, к себе, и мы расцепились.

Мгновение, и ее уже сажают в ДРУГУЮ машину. Почему так?! Я хотела спросить об этом новую женщину, но побоялась. Стала сама искать ответы: «Наверное, нельзя в одной машине возить двух детей». Женщина усадила меня в кресло, дежурно улыбнулась и тут же потеряла ко мне интерес.

– Документы где? – снова высунулась она из машины.

– Иду-иду. – Воспитательница передала Аню с ее бумагами во вторую машину и вернулась к нам.

– Держите!

– Спасибо, – женщина привычно подхватила увесистую папку, – все здесь?

– А как же. – Она стала перечислять: – Свидетельство о рождении, медицина, приказ...

– Да-да, вижу. Спасибо.

Она не поверила на слово – внимательно пересмотрела бумаги, все до единой. И только после этого торопливо махнула рукой на прощание.

– Ну, все, мы готовы! – объявила водителю, захлопнув дверцу. – Едем!

Машина тронулась с места. Я ужом заерзала в кресле, пытаясь заглянуть назад, через плечо. Забыв обо всем на свете, следила за автомобилем Ани. Он выехал следом за нами, свернул на ту же дорогу и пристроился в хвосте. Все отлично. Так и есть – мы едем вместе! Один поворот. Второй. Третий. Я не теряла Аню из виду ни на секунду. А потом вдруг вторая машина свернула куда-то не туда. Они поехали другой дорогой? Короткой? Я изо всех сил пыталась разглядеть их автомобиль в потоке машин. Хотела даже встать в кресле на колени, чтобы лучше видеть. Но женщина резко одернула меня:

– Села нормально!

И я послушалась. «Мы приедем, а Аня уже будет там. Просто тот водитель знает короткий путь». Я успокаивала себя всю дорогу, уговаривала подождать, потерпеть. От Измайловского шоссе до 16-й Парковой всего-то несколько минут езды, но мне они из-за тревоги показались вечностью. Я должна была увидеть Аню! Мне нужно было убедиться, что мы друг у друга есть. Она – единственная ниточка, которая связывает меня с окружающим миром и собственным прошлым. Без нее я могла оставаться только внутри, жить в себе.

Мы приехали. Я не замечала ничего вокруг – ни огромного здания, ни детских площадок, ни встречающих, – высматривала только вторую машину. Где она? Где?! Почему же так долго?

Но Ани не было. И тогда я расплакалась оттого, что не увидела ее. Мир в одно мгновение рухнул. Мы не попрощались, я ничего Ане не объяснила. Не сказала ей, что больше не злюсь. Как они могли так с нами поступить?! Эти взрослые!

– Аняаяя, – тихонько завывала я, – Аняаяя мояаяя!

Меня увели «с холода». Новая незнакомая женщина взяла за запястье, открыла незнакомую дверь. В лицо пахнуло теплом и запахами чужой столовой. Меня провели лабиринтами незнакомых лестниц, помогли раздеться. Потом еще куда-то повели, усадили на незнакомый диван. А я плакала-плакала-плакала. Горько и безнадежно.

Сегодня я уверена, что оплакивала в тот день потерю, которая оказалась намного больше меня. В ней уместилась не только Аня, был кто-

то еще, кому я тогда не знала ни имени, ни названия. Кто-то самый важный и нужный, утраченный очень и очень давно. Это горе годами жило и зрело внутри меня. Я плакала о матери, которая девять месяцев носила меня под сердцем и ни одного дня не была рядом со мной, когда я родилась.

Мимо ходили чужие женщины и незнакомые дети. Они смотрели на меня с любопытством. Некоторые мальчишки прибежали в холл специально, оглядывали меня с головы до ног и тут же убегали – рассказывать остальным. Я чувствовала себя зверушкой, на которую все хотят посмотреть.

– Новенькая? – шептались у меня за спиной.

– Ага! – отвечали осведомленные.

Через час меня не смогли поднять с дивана, чтобы умыть. Через два я также сидела в прежней позе. Через три отказалась идти в столовую. Я плакала и плакала, как будто мир рухнул. Я не жалела о прежней жизни, нет. О чем там было жалеть, кроме страха и боли? Но я тосковала по Ане так, словно потеряла саму себя. Это была самая сильная, самая страшная боль. У меня не находилось сил сопротивляться. И я утонула в ней...

Через много лет, когда мне исполнилось двенадцать и я окончила шестой класс, в очередном летнем лагере – к тому времени объехала их с десяток – я вдруг совершенно случайно встретила Аню. Увидела, мгновенно ее узнала и со всех ног бросилась к ней.

– Аня, Аня, привет! – Я задышалась от счастья.

Лицо ее по-прежнему выглядело опухшим, значит, все еще продолжают операции. Бедная Аня! Что же все-таки с ней было тогда? Теперь-то я уже знала, что не существует никакой бабы-яги, никто не обкусал Ане лицо за то, что она не слушалась. Я добежала, хотела ее обнять, но она остановила меня холодным взглядом.

– Ты кто? – Аня смотрела без тени узнавания.

– Я была с тобой в доме ребенка, – подозрение в ее тоне притушило мою радость, – ты меня помнишь?

– Нет, – отрезала она.

– Как?! Мы даже спали с тобой на одной двухъярусной кровати.

– И что из того? – Она безразлично пожала плечами. – Я тебя не помню.

– Хорошо, – я отступила на шаг, – ладно. Пока.

Аня пошла дальше по своим делам, а я смотрела ей вслед и, как в день разлуки, надеялась, что все это не всерьез. Что она еще вспомнит меня, мы обязательно подружимся снова! Просто машина поехала не той дорогой.

Но нашей дружбы больше не случилось. Уже никогда. И никакой другой дружбы до выпуска из детдома тоже...

Глава 9

Детдом

В день, когда меня перевели в детский дом, я проплакала до тихого часа. А потом сменилась воспитательница. Утром работала высокая брюнетка, «мама Оля». Я слышала, что к ней именно так обращаются дети. «Мама» – это как воспитатель? Я не знала. Для меня даже имена людей вокруг были чем-то новым, и я стала сквозь слезы прислушиваться к тому, что происходит в группе. Дети разговаривали, иногда очень громко. Но ни одного из них не наказали за шум ремнем или скалкой. Даже на корточки не посадили. Воспитательницы были спокойными, не кричали, но дети все равно почему-то их слушались. После обеда группу уложили спать, «мама Оля» сменилась на «маму Таню». Эта, наоборот, была низенькой, даже приземистой.

До сих пор не знаю, почему всех воспитателей в детском доме называли «мамами», – наверное, детям было так проще. А я приняла это как должное: ну мама так мама. Само слово не имело для меня никакого значения, я его просто не понимала.

– Соня. – Мама Таня присела рядом со мной на диван.

Я на всякий случай отодвинулась от нее подальше и вжалась спиной в жесткий подлокотник.

– Сонечка, – сказала она еще раз ласково, – тебя же так зовут?

Я ничего не ответила – не знала, что ей сказать. Как меня зовут? Никто раньше не называл меня по имени, я была «Все-встали», «Все-вышли», «Все-сели». Воспитателям в доме ребенка этого было достаточно. Я сидела с мокрыми от слез глазами и с удивлением смотрела на новую женщину. Она сидела рядом и – первый раз в жизни – разговаривала только со мной.

– Соня, – повторила она терпеливо, – Сонечка. Очень красивое имя.

Я увидела в ее глазах что-то, чего не могла назвать. Только спустя многие годы поняла, что это сочувствие, – наверное, я была далеко не первым ребенком без имени, которого привезли в дошкольное отделение детского дома из ТОГО дома ребенка. И воспитатели здесь кое-что про ту нашу жизнь понимали.

– Тебе нравится твое имя?

– Нет, – неожиданно для себя я заговорила, но тут же в ужасе замолчала. Что теперь будет?!

– Ничего страшного, – мама Таня вместо того, чтобы наказать меня за наглость, широко улыбнулась: удивительно, но она не злилась на меня, – ты привыкнешь. А теперь, Сонечка, пойдем с тобой по инстанциям.

Я доверчиво кивнула ей и первый раз за весь день встала с дивана.

– Так, давай-ка сначала заглянем в туалет, – вовремя догадалась мама Таня.

Мы прошли через красивую игровую комнату, заполненную игрушками, и оказались в просторном помещении с раковинами, ванной и даже двумя кабинками. Я удивилась, увидев эти странные отдельные домики внутри ванной комнаты. Для чего они? Стены санузла были отделаны сверкающим белым кафелем и отражали кусочек синего неба, которое в тот день неподвижно стояло в окне. Это было красиво.

– Ну, давай, – подбодрила она меня.

Я не увидела привычного ряда железных горшков и посмотрела на воспитательницу вопросительно.

– Заходи сюда, – она распахнула дверцу одной из кабинок, – это унитаз. Он маленький, как раз тебе по росту.

Я вошла в фанерный домик, и дверца за мной закрылась. Первый раз в жизни я оказалась одна, наедине с собой, в момент, когда мне потребовалось справить нужду. Это было здорово! Сосед не упирался в мои ноги своими коленками, чужие запахи не били в нос, я не ждала в напряжении, что кто-то вдруг начнет скакать на меня на своем горшке. И вообще, так, одной, даже не было стыдно. Я сделала все, что нужно, и почувствовала, как слезы катятся по моим щекам – так всегда случалось и в доме ребенка. На горшке я, сама не зная отчего, с раннего детства плакала. Я надела штанишки. Мама Таня заглянула ко мне.

– Смотри, тут есть вот такой шарик, – она показала пальцем, но сама трогать его не стала, – давай берись за него и тяни наверх!

Я сделала как велели, и в унитаз полилась вода. Это было чудо! Я смогла привести что-то в движение, своими собственными руками пробудила какую-то новую силу. А главное, теперь никому не нужно будет выливать за мной горшок, пока сама я сгораю из-за этого от стыда.

– Вот так, – мама Таня улыбнулась, – а теперь пойдем. Только помой руки.

Пока я с удовольствием намыливала ладони – мыло пахло настоящим яблоком, – мама Таня задумалась.

– Инстанции не убегут, – наконец сказала она, – давай я тебе все тут быстренько покажу. Только тихо, а то дети спят. Ладно?

Я кивнула. И мы пошли.

– Соня, – я опять вздрогнула от звука своего имени, – ты у нас в пятой группе. Самой старшей. Детки все хорошие. Вот здесь будешь с ними играть.

Игровую комнату я уже видела, когда мы шли в туалет. Она была просторной, большой. И там было много-много разных игрушек. Хотя они меня не особенно радовали – я практически не играла в игрушки, боялась даже прикасаться к ним. Вдруг испорчу? И тогда меня точно накажут. А еще после того, как нас пугали в доме ребенка резиновой маской бабы-яги, мне казалось, что все куклы живые. И это было по-настоящему страшно! Любую куклу я обходила за несколько метров. Зато на полу в углу увидела огромный ковер с изображением дороги на нем. И вот это мне понравилось! Я подумала, что будет хорошо катать машинки по этой дороге. Тем более разноцветных автомобилей в игровой оказалось достаточно. И уж машинки-то в отличие от кукол точно не оживут.

Из этого помещения мы вернулись в холл. Кроме дивана, там стояли два кресла и телевизор. Я даже не заметила их, пока плакала. А еще в разные стороны расходились четыре двери.

– Здесь у нас спальни, – объяснила мама Таня, проследив за моим взглядом, – смотри!

Она открыла одну из дверей, и я увидела уютную комнатку, в которой стояло всего четыре кровати. Не бесконечные ряды, а всего четыре, и каждая – у стены! В двух спали дети, а две стояли пустыми.

– Ты будешь спать здесь, – прошептала она и показала рукой на кровать у окна, – вон там.

Я глазам своим не могла поверить. После гигантской комнаты с нескончаемыми шеренгами железных кроватей, спинка к спинке, спальня на четыре ребенка казалась роскошью.

– Таких спален у нас четыре, – с гордостью сообщила мама Таня и добавила, увидев мои расширившиеся от удивления глаза: – А еще есть класс, где дети занимаются. Пойдем покажу.

Мы вошли в красивую комнату с маленькими столами, стульчиками и одним большим столом для взрослого. На полках красивые книги, на стенах – рисунки и портреты, а еще там была огромная разноцветная картинка, которая мне сразу очень понравилась. Я хотела спросить, что это такое, но постеснялась. Только потом узнала, что это карта мира.

– Вот, – мама Таня обвела комнату рукой, – здесь будете готовиться к школе. Многие ребята из твоей группы уже в следующем году пойдут в первый класс.

Еще она показала мне кабинет логопеда с игрушками, зеркалом и умывальником. Две бытовки, где сушились детские вещи. Шкафы, в которых хранилась одежда.

– Столовую тоже скоро увидишь, – сказала мама Таня так, будто хвасталась, – она замечательная!

Да, я попала в рай. После дома ребенка с его двумя безликими комнатами – гигантской спальней с тридцатью орущими от страха малышами и игровой, которая была для нас и столовой, и гостиной, и всем чем угодно, меня вдруг поселили в настоящий дворец. А еще вместо бабы-яги здесь оказалась добрая Фея. Она говорила со мной. Она называла меня по имени. Она не кричала на меня и не била. Настоящая сказка.

И все равно этот дом пока еще был мне чужим. Незнакомым. А значит, страшным.

Осмотрев все как следует, мы с мамой Таней пошли «по инстанциям». Сначала – в медсанчасть. Там меня раздели, крутили, вертели, смотрели, нет ли сыпи и вшей. Потом – к завхозу за одеждой, потом куда-то еще. Я не запомнила всех кабинетов, в которых мы в тот день побывали, поняла только, что мы ходили вверх-вниз по лестницам весь тихий час. Причем воспитательнице то и дело приходилось брать меня на руки – я боялась незнакомых крутых ступеней и отказывалась по ним идти. Мы вернулись в группу со стопкой новой одежды, которую мне выдали.

Маму Таню сменила вечером третья воспитательница, ночная. Ее звали мама Нина. Я не переставала поражаться тому, что здесь у всех свои имена. И у женщин, и у детей. В доме ребенка я не знала, кого и как звали. Была бесконечная вереница похожих друг на друга лиц детей и взрослых: я только потом узнала, что в каждом учреждении больше ста человек сотрудников. Больше, чем детей. И в детском доме взрослых тоже было очень и очень много – воспитатели, уборщицы, повара, врачи, администрация, прачки, няни. Но воспитатели носили гордое звание «мамы», и поэтому их можно было легко отличить от остальных. Хотя для меня в этих новых звуках не таилось никакого смысла – кличка, и все.

Вечером я сняла новый желтый костюм, который мне так понравился, его забрали в стирку. Больше я не носила его никогда. Мне не давали его надевать, он просто лежал на полке в шкафу, а я не могла попросить, и взрослые просто не знали, что я очень хочу его носить. Я по-прежнему никому не могла сказать, чего хочу. Надо платье – дали платье. Надо колготки – дали колготки. Надо будет штаны – дадут штаны. Так я и выросла из желтого костюма, ни разу больше его не надев. Просто знала, что люблю его, и все. Он стал единственной вещью, которая пришла со мной из прежней жизни.

В тот вечер я много раз повторила про себя свое имя. Соня. «Сооооняя». Новые незнакомые звуки. Я даже не знала, нравятся они мне или нет. Просто хотела привыкнуть – теперь меня все звали так. Но для меня-то оно было чужим.

Я долго не могла уснуть. Чтобы успокоиться после трудного дня, как обычно, раскачивалась влево-вправо, крутила головой из стороны в сторону по подушке. А потом к нам в спальню вошла мама Нина – ночная воспитательница. Она молча уложила меня на спинку, закутала в одеяло, завернув его каким-то хитрым образом под подушку – качаться в таком замотанном состоянии было неудобно, – и я, наконец, смогла задремать.

Меня и потом часто укладывали так, чтобы я не раскачивалась. Но это не всегда помогало – привычка убаюкивать себя укачиванием осталась до сих пор. Если был напряженный день, я и сейчас сворачиваясь калачиком, покачиваюсь всем телом. Успокаиваю сама себя.

В дошкольном отделении детского дома жить мне было намного легче, чем в доме ребенка. Другая обстановка. Относительно взрослые дети. С ними оказалось гораздо интереснее играть. А еще с нами занимались в настоящем классе, как будто мы уже большие, и готовили к школе. Я научилась, наконец, считать до десяти. Запомнила несколько букв. Узнала, что существует осень, зима, весна, лето и чем они отличаются друг от друга. Даже выучила дату своего рождения и узнала, сколько мне лет.

А еще я научилась запоминать! Это вообще была феерия, самое сильное в моей жизни открытие. Как-то я лежала поздно вечером в своей кровати и вдруг поняла, что помню вчерашний день. Раньше такого не случалось. В доме ребенка все сливалось в один мутный поток, я не отличала один день от другого и не догадывалась, что у меня есть память. Просто жила в серой и вязкой каше без времени, без событий.

Только с того вечера в детском доме я и начала вспоминать дом ребенка. Как нас в наказание за проступки держали на корточках, как оставляли без еды, как били скакалкой и ремнем, как оставляли намыленными в ванне. Я вспомнила всю свою жизнь – чуть ли не с пеленок. Вспомнила мальчика, оказалось, его зовут Сергей – он следом за мной перешел из дома ребенка в детский дом, в дошкольное отделение, и я его там узнала. Хотя до этого в моих воспоминаниях его не было, но я вдруг словно «увидела» ситуации, о которых он мне рассказывал: «А я помню, как тебя переселили на двухъярусную кровать, на нижний ярус». И я увидела этот момент, словно в кино! С тех пор специально пыталась запомнить каждый день, который проживала, не хотела что-нибудь упустить. Внутри меня то и дело всплывали яркие картины из далекого и недавнего прошлого, я могла их подолгу разглядывать, различать цвета и формы предметов, выражения лиц и одежду людей. Это было для меня чудом!

А через две недели после переезда из дома ребенка в детский дом, десятого декабря 1998 года, мне исполнилось шесть лет. В этот день меня все начали поздравлять. Я не понимала, с чем поздравляют. Что такое случилось? Это был мой первый настоящий день рождения. До этого я просто не знала, сколько мне лет и что значит рождение. Никогда не задумывалась об этом. Просто была существом, которое жило внутри себя и подчинялось внешним обстоятельствам.

В детском доме у меня появился возраст. У меня появилось имя. У меня появилась память! Где все это было до моих шести лет? Я не знаю. Но по прошествии многих лет не сомневаюсь в одном – не будь тридцать малышей безликим стадом, я бы начала ощущать себя намного раньше. Только кому это нужно? Кому я сама была нужна? Источник проблем, мокрых простыней, а значит, лишней работы...

В шестом классе нам задали сочинение на тему «Мой дом». И я написала о доме ребенка все, что смогла вспомнить. Очень четко, с подробностями, в деталях. Написала о том, как жила и что именно чувствовала. Написала о том, что делали воспитатели и как относились к нам. После того как учительница прочла сочинение, меня вызвали к директору детского дома. Он замечательный человек! Все дети, даже самые отъявленные хулиганы, уважают его и любят до сих пор.

– Соня, скажи, это правда? – Виктор Яковлевич хмурился.

– Да. – Я смотрела не на него, а в пол.

– Ты не врешь? – Он переспросил так, что я поняла: речь о чем-то очень и очень серьезном.

– Нет, я не вру. – И подняла на него глаза.

А потом, через год, я узнала, что то учреждение для младенцев-сирот закрыли. Может быть, Виктор Яковлевич что-то сделал? Может быть, просто совпало? Но место моих детских пыток исчезло с лица земли. И я была рада, что этого дома ребенка больше нет, что детей там теперь не мучают.

Глава 10

Больница

В доме ребенка прогулок то ли было мало, то ли я их не запомнила. А в детском доме мы ходили на улицу два раза в день. Меня водили гулять вместе со всеми, и это было счастьем. А потом, на мою беду, в детский дом устроилась на работу какая-то массажистка. Я с младенчества часто простужалась, сильно болела, и вот меня определили к ней – на массаж вместо прогулок. От такой несправедливости я страшно бесилась: только вышла на свободу, хочу гулять, а мне не дают! Оказалось, что это только начало. Как только поняли, что я болею, практически не переставая, стали от всего «беречь» и усердно лечить. Летом детям давали нормальное мороженое, а мне приносили сладкую белую водичку. На море всем разрешали купаться, а меня однажды полтора месяца продержали на берегу. Все пили холодную воду, когда хотели, а мне не разрешали так делать никогда. Это было обидно до слез! А еще меня пытались лечить от энуреза. Детдомовские врачи смотрели, в больницу клали на обследование – ничего. Никаких признаков болезни: почки в порядке. Хотя писаться в кровать я продолжала каждую ночь. И воспитатели изобретали «лечебные» меры – как и в доме ребенка на ночь мне не давали пить. Я не пила уже за ужином – в последний раз чай или сок давали в полдник. Ночью меня поднимали, отводили в туалет, иногда я так и засыпала на унитазах. Но ни тот, ни другой способ не помогал. Я продолжала писаться в постель. А не пить подолгу привыкла, мне уже и не хотелось. Не спасла от болезней и массажистка. Месяца через четыре после переезда в детский дом я свалилась с жуткой ангиной.

– Соня, вставай, – услышала я голос мамы Тани, словно сквозь вату.

Она заменяла в ту ночь маму Нину. Меня всегда – после первой же ночи в детском доме – клали в одной комнате с ночной воспитательницей.

– Вставай, Соня! – встревоженно повторила она.

Я с трудом разлепила веки – они были слишком тяжелыми. Кое-как спустила с кровати ноги. Думала, что меня снова поднимают, чтобы отвести в туалет, но мама Таня почему-то надела на меня теплую кофту и сандалики вместо тапочек. Она случайно прикоснулась пальцами к моим щиколоткам, и я вздрогнула – такими обжигающе-ледяными показались ее руки.

– Ты вся горишь!

Я не помню, как шла. Висела на маме Тане, двигаясь еле-еле: тело стало свинцовым. С каждой секундой становилось все труднее управлять ногами, которые подворачивались и спотыкались. Дышать тоже было тяжело – что-то мешало в гортани. А в голове стоял туман, серая плотная вата.

Дежурный врач в медсанчасти, пожилая женщина в очках, мигом проснулась, подхватив меня в тот момент, когда мама Таня выпустила мое запястье из своей ледяной руки. Я почувствовала, что меня снова укладывают – наконец-то! – и засовывают под мышку градусник.

– Сорок, – коротко бросила врач.

– «Скорую»?! – Я услышала, что мама Таня подняла трубку телефона.

– Да. – Доктор осторожно задрала на мне пижамную кофту и стала трогать живот. – Еще и фурункулы на коже. Скажите, чтобы быстро! Инфекционка.

– Госсподи! – выдохнула мама Таня, вращая трескучий диск.

Когда я снова открыла глаза, то очень удивилась. Спальни не было. Вместо нее – странное наполовину стеклянное помещение, освещенное утренним солнцем. Как будто я попала в аквариум, только не для рыб, а для людей. Даже дверь в этой комнате оказалась такая же. Сквозь нее я и разглядела коридор, а в нем – сестринский пост. Значит, больница. Я и раньше лежала в больницах, еще в доме ребенка, только ничего о том времени не запомнила. Зато

теперь откуда-то из глубин памяти всплыли воспоминания. Уколы. Мне снова будут делать больно.

Хотелось заплакать. Но от печальных мыслей меня вдруг отвлекло движение за стеклянной стеной. Я вытянула шею и заглянула через стекло в соседний бокс. Там происходило что-то странное. Женщина встала с кровати, взяла на руки большого ребенка и стала бродить с ним туда-сюда по палате. Это был не младенец, не новорожденный, который пока еще не умеет сам ходить. Это был огромный ребенок, может, всего на пару лет младше меня. Настоящая дылда. Зачем такого носить на руках?! Он же тяжелый. Пусть ходит сам, если ему надо. Я внимательно прислушалась и уловила что-то вроде пения, только без слов.

– Ааа-ааа-ааА! Ааа-ааа-ааА!

Звуки то взлетали к самому небу, то опускались вниз, как на качелях. Все это повторялось бесконечно. Женщина будто не уставала, она с нежностью прижимала к себе огромного ребенка. А он приник головой к ее груди с закрытыми глазами и странным выражением на лице: я видела, что ему плохо, лоб морщился от боли, но при этом губы его растягивались в мягкой улыбке. Значит, ему было и хорошо. Я не понимала, что происходит.

Меня никто никогда не носил на руках, не пел мне протяжное «Ааа-ааа-ааа». Не качал и не прижимал к себе. Такого не было в доме ребенка, нет в детском доме и не будет в больнице. Придет чужая женщина в белом халате, воткнет мне под кожу иглу, выпустит лекарство, и все. Я снова останусь одна, буду ждать, когда придет другая женщина, чтобы снова сделать то же самое и уйти.

За второй стеклянной стеной резко заплакал младенец. Я обернулась на звук, успев подумать, что он, наверное, потерял соску – вечно с этими малышами одно и то же. Будет теперь надрываться до тех пор, пока кто-нибудь не догадается поискать его сокровище. Я бы могла помочь, но, наверное, нельзя выходить из своей палаты. Да и тело до сих пор тяжелое, непослушное.

Пока мои мысли вяло топтались вокруг собственной немощи и орущего малыша, с кровати в той же палате вскочила женщина, совсем молодая, и со странным звуком «Шшшшшшшш» тоже взяла ребенка на руки. Плач его моментально стал тише. Еще мгновение, и громогласный рев почти затих – остались только редкие жалостливые всхлипы.

– Баю-баюшки-баюююю, – чистым тонким голосом пела девушка младенцу, – не ложися на краюююю.

Что она ему такое поет? Ерунду какую-то. Какие еще «баю-баюшки»? Почему нельзя «на краю»? Да и какой смысл вообще что-то там петь такому маленькому? Зачем? Он же ничего не понимает, беззубый еще. Но она не унималась, продолжала качать младенца на руках и выводить мелодию. Я посмотрела на первую женщину с большим ребенком, она все еще таскала его по палате. На вторую, с младенцем. Она уже не пела, просто что-то нежно нашептывала малышу. Одной рукой держала ребенка, а другой насыпала в бутылочку порошок, наливала воды. Потом взболтала и дала ему. Тот жадными губами припал к соске. «Ааа-ааа-ааА! Ааа-ааа-ааА». «Шшшшшшшш. Шшшшшшшш». От ласковых звуков и перешептываний, от невыносимой нежности слезы подступили к моим глазам.

– Почему у меня ничего этого нет?! – шептала я, зажмурив глаза и закрыв ладонями уши.

И сама себе отвечала:

– Потому что я плохая. Плохая!

Не знаю, сколько я пролежала так, пытаюсь избавиться от болезненных звуков и картин. Сквозь ладони в мои уши прорывались пестрые голоса. Детские, звенящие, как радуга. И женские, ласкающие, как море. Они звучали уже не только снаружи, но и внутри. А потом их перекрыл страшный грохот. От испуга я спряталась с головой под одеяло.

– Мамочкиии, – даже в укрытие прорвался звучный голос, – заааавтрааак!

Я высунула нос. Завтрак – это не страшно. Стали открываться двери палат. Женщины засуетились с тарелками, кружками, ложками. Они брали что-то, несли на свои тумбочки и снова возвращались к дверям за очередной порцией. Я слышала, как грохот достиг моей двери, и замерла от ужаса.

– Мамочкаааа! – крикнула пожилая женщина с седым «ёжиком» на голове в мою палату. – Покушать ребеночку возьмите!

Я молчала. Она заглянула в бокс и, не обнаружив там никого из взрослых, смутилась.

– Ой, – она, наконец, увидела меня, – ты тут одна, детонька?

Я кивнула. Нянька наметанным взглядом окинула бокс. Пустая тумбочка. Ни тарелки, ни кружки. Под кроватью пакет с неразобранными вещами. Ни ярких коробок с соками, ни фруктов, ни игрушек. Я увидела по ее глазам, что она все поняла про меня. И вдруг, первый раз в жизни, мне из-за этого стало стыдно.

– Детонька, – нянька нагнулась и достала с нижнего яруса тележки тарелку, – давай каши тебе положить. Сама-то покушать сможешь?

Я снова кивнула и отвернулась – в глазах у меня стояли слезы.

– Чайку налью, ты попей. – Она еще что-то говорила, а я молчала.

Наконец она ушла, осторожно прикрыв за собой дверь и оставив на тумбочке больничную тарелку и кружку. Я не могла и не хотела есть – горло болело так, что даже слюну сглатывать было больно. А еще этот противный ком перегородил все внутри, не давал дышать. Не шевелясь – подвижными оставались только глаза, – я наблюдала за тем, что происходило за стеклом, справа и слева от меня.

В боксе слева проснулись все его обитатели – с женщиной, которая качала на руках большого ребенка, оказывается, были три девочки. Все одного возраста, года по четыре, и похожи друг на друга, как капли воды. Но при этом совершенно разные. Одна – вся в розовых рюшах и с длинными волосами, уложенными на голове в замысловатую косу. Вторая – в синем спортивном костюме, мягком даже на вид, с простой короткой стрижкой. И третья – в простом зеленом платице, с красивыми волосами до плеч. Дети галдели, а женщина почему-то не злилась, а улыбалась им. Я прислушалась.

– Мамочка, покорми! – прозвенел тонкий голосок «розовой» девочки.

– Мамочка, намажь мне маслом хлеб, – попросила «синяя дочка».

– Мамочка, я не могу попить, – пожаловалась «зеленая».

Они наперебой что-то просили, чего-то хотели, а женщина вместо того, чтобы строго сказать «все-сели-и-замолчали», почему-то ласково отзывалась: «Солнышко, подожди», «Милая, я сейчас». И каждой помогала. Покормила кашей первую девочку – буквально чуть-чуть – и потом передала ей самой ложку в руку. Сделала бутерброд для второй. Налила из большой пластиковой бутылки воды в кружку и передала третьей дочке. После завтрака все они устроились на одной кровати вокруг нее – одна подлезла под ее правую руку, другая под левую, а еще одна положила голову ей на колени. Женщина взяла в руки книжку и стала читать. И все дети притихли, слушали ее и улыбались.

В другом боксе тоже наступила тишина – молодая мамочка сидела с младенцем на руках и что-то шептала ему. Каждое мгновение менялось выражение ее лица. Она то широко улыбалась, то кивала ребенку, то шутливо хмурилась и все время произносила какие-то странные звуки. Малышу это нравилось. Он смотрел на нее во все глаза и тоже то хмурился, то улыбался, повторяя за ней выражение лица и откликаясь на звуки.

Я никогда не видела, чтобы кто-то из взрослых так делал с ребенком! Воспитатели подходили к младенцам, чтобы переодеть, накормить, положить в кроватку и уйти по своим делам. А иногда и уйти не получалось – пока переоденут последнего, первый уже снова мокрый. Конвейер. И уж тем более никто не сидел с нами в обнимку, не читал ласковым и певучим голосом книг.

– Маааамочкаааа.

Первый раз в жизни я произнесла это слово, повторив его за тройняшками. Оно было горьким на вкус. Как слезы. И при этом – сладким и даже теплым. Ложилось на язык, растекаясь до самого горла, и от этого становилось легче дышать.

– Маааамочкааа.

Я вся ушла в это имя, погрузилась в него с головой и не заметила, как женщина из бокса слева, оставив своих троих детей возиться с книжками, подошла к моей двери. Она постучала. Я глупо смотрела на дверь, не зная, что надо делать. Никто никогда в жизни не стучался ко мне.

– Можно войти? – спросила она.

Я удивленно кивнула. Женщина прошла и остановилась рядом с моей кроватью.

– Привет, – она улыбалась мне: не так, как своим детям, но все равно ласково, – тебе что-нибудь нужно?

Я отрицательно мотнула головой.

– Ты спрашивай, не стесняйся. Хорошо?

Я снова кивнула.

– А то я смотрю, все дети с мамами лежат, а ты нет. Вот, – она вытащила из кармана маленькую коробочку с соком и поставила на мою тумбочку, – яблочный.

– Спасибо. – Я подняла на нее глаза.

– А как тебя зовут?

Я помолчала и после долгой паузы ответила:

– Я не знаю.

Все еще не могла привыкнуть к своему имени, мне было трудно его произнести.

– А сколько тебе лет?

Я снова пожала плечами.

– Ааа, – она как будто о чем-то вспомнила, – все же очень просто. Пойдем вместе посмотрим! Ты можешь встать?

Я неожиданно для самой себя легко спустила ноги с кровати и поднялась. Женщина показала жестом, что нужно выйти за дверь.

– Смотри, перед входом в каждый бокс на двери есть такая табличка с именем и возрастом ребенка. На твоей написано: «Соня, 6 лет 4 месяца». Правильно?

– Да, – кивнула я.

И тут, наконец, окончательно поняла, что Соня – это я. Соня – мое имя. Это все, что у меня есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.